

110 лет

Джону Рональду Руэлу
Толкину

В НОМЕРЕ:

Соколова Н.А., Афанасьева Л.П., Лебедева Е.Ю. Клятва феанорингов: история и смысл мотива.	4
Т.Шиппи. Дорога в Средьземелье. (Продолжение. Начало в №№21-28. Перевод М. Каменкович).	16
Х. Фаускангер. Адуунаик - родной язык Нуменора. (Окончание. Начало в №28. Перевел Krauger).	31

Иллюстрация на последней странице -
Моргул “Битва Внезапного Пламени”

ПАЛАНТИР

№ 29 2002

**ЖУРНАЛ
ТОЛКИНОВСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА**

*Этот номер для вас делали:
Аратанве Эондил, Золтан Бардинг, Моргул, Морин Эйкинсьялди*

Наш адрес: 191186 Миллионная 15-13
E-mail: eondil@mail.ru zoltan@tolkien.ru 2:5030/1171.35@FidoNet

Наш сайт: <http://tolkien.by.ru>

Copyright ©2002, Толкиновское Общество СПб

Права на все опубликованные материалы сохраняются за авторами.
Перепечатка любых публикаций и их частей без разрешения Толкиновского
Общества запрещена. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Издание журнала не преследует коммерческих целей.

**Редакция благодарит автора использованных в издании шрифтов
Tengwar Quenya и Tengwar Sindarin Дэниела Стивена Смита**

Соколова Н.А.
Афанасьева Л.П. (Две Змеи)
Лебедева Е.Ю. (Кеменкири)

Знаменитая клятва — первое, что приходит на ум большинству читателей “Сильмариллиона” при упоминании Первой эпохи. Тем не менее, а вернее поэтому, мы обращаемся именно к этому сюжетообразующему мотиву, в котором, на наш взгляд, еще много неясного. Недаром Толкиен всю свою жизнь многократно возвращался к теме клятвы.

Не претендуя на исчерпывающее исследование всех аспектов проблемы, мы попытаемся поставить вопросы и высказать свои суждения о месте, роли и значении этого сюжета в творчестве Толкиена. В частности, рассмотрим историю текста, попытаемся сравнить разные трактовки клятвы в историческом, религиозном, культурном контексте с клятвой феанорингов, поискать аналогии с другими клятвами в Арде, осмыслить механизм ее действия.

Итак, какие тексты Толкиена, помимо опубликованного Кристофером “Сильмариллиона”, описывают собственно сцену Клятвы?

Впервые клятва “Семи сыновей Феанора” упоминается в Набросках к “Книге утраченных сказаний”, собранных при публикации в главе десятой их первого тома. И хотя обстоятельства, окружающие и вызывающие это событие, весьма отличаются от привычных нам (это происходит после прихода Гномов¹ в Срединные земли), само описание клятвы позволяет с абсолютной уверенностью говорить о тождестве мотива²: состав поклявшихся, предмет клятвы (похищенные сильмариллы); ее суть “вечно враждовать со всяким, кто завладеет камнями”, оценка ее как “ужасной”.

Именно описанием соответствующей сцены заканчивается заброшенная вскоре после начала поэма об исходе Нолдор³. В этой поэме Клятва дается до исхода нолдор, в Туне. Феаноринги клянутся “Тимбрентинг и не знающими времени покоями Бредиль Благословенной”, подробно перечислены те, кого будет преследовать Клятва, приводится яркая оценка ее последствий: “Она пролила кровь, словно

море, и давала работу мечам бесчисленных армий, и еще не закончилась”... Эта последняя фраза невольно заставляет задаться вопросом, в какой временной точке находится автор поэмы. Кроме того, в поэме впервые описывается реакция зрителей. Большинство нолдор единодушно поддержали Феанора, но были и противоположные суждения. Последнее слово (в буквальном смысле, поскольку поэма здесь обрывается) остается за Финвегом (Фингоном), и слово это весьма веское: “Дураки!”.

Включена клятва и в исторический экскурс в “Лэйтиан”, сопровождающий события в Нарготронде⁴. В данной редакции феаноринги клянутся именами Варды, священной вершиной Таникветиль, где стоят чертоги Манве. Но, самое главное, здесь впервые говорится, что “тот, который призывает эти имена в свидетели, не может нарушить такую клятву, хотя бы земля и небо сотряслись”.

Наконец, такое событие не могло не упоминаться в текстах хроникального характера и в предшествующих “Сильмариллиону” попытках систематического изложения истории Первой Эпохи: “Набросок мифологии”⁵ (1926 г.) и “Квента”⁶ (1930 г.) (IV том). В последнем фрагменте впервые упоминается о том, что Клятва, “которую никто не сможет нарушить и никто не должен давать” была произнесена именем Всеотца (Единобога), кроме того, феаноринги “призывали на свои головы” Вечнодлющую Тьму. Это понятие, на наш взгляд, имеет большое значения для понимания смысла Клятвы, поэтому оно будет рассмотрено ниже.

Клятва кратко описана в “Анналах Валинора”⁷ (IV, V том) (1930-е гг.). И, наконец, Клятва вошла в первоначальный вариант “Сильмариллиона”, опубликованный в V томе “Истории Средиземья”⁸ (1937-1938 гг.). Если сравнивать “канонический” текст опубликованного “Сильмариллиона” с предыдущими, помимо имен Эру, Манве и Варды, а также кары “Вечнодлющейся Тьмой”, Толкиен уточняет поистине страшные последствия клятвы для тех, кто ее дал: “ибо данная так клятва не может быть им нарушена и будет преследовать давшего ее до конца Мира”. Изменяется и реакция участников сцены — “и многие устремились”.

Особо следует отметить “Поздние Анналы Амана” (1950-е гг.) (X том), которые представляют нам не только подробное описание ситуации — здесь впервые после поэмы об Исходе Клятва дается прямой речью (а не изложением от третьего лица — “они поклялись в том-то и том-то”)⁹. Соответственно, мы можем непосредственно анализировать ее текст. В сравнении с предыдущими вариантами можно отметить подробный перечень действий, которые будут карать феаноринги: “...Не защитят от Феанора или его родичей того, кто бы ни спрятал или сохранил или взял в ладонь, найдя, сберег или прочь выбросил Сильмарил”. Таким образом, даже прикосновение к камням карается смертью.

Кроме того, существует — и было использовано нами — определенное число произведений, где описаны различные последствия Клятвы феанорингов, сама же сцена не включена по причине иных территориальных или хронологических рамок данных текстов. Речь идет о втором томе “Утраченных сказаний” (История Тинувиэль), “Анналах Белерианда” (IV, V том), так называемых “Серых Анналах” и продолжающей их “Повести лет” (XI том).

Насколько можно говорить об эволюции мотива Клятвы?

Уточнение времени и места происходит единожды. В “Утраченных сказаниях” Клятва произносится сыновьями Феанора после прихода в Срединные земли, встречи с Илкоринами и даже возвращения Майдроса из Ангаманди. Но уже в поэмах возникает привычная нам ситуация — собрание в Туне, непосредственно предшествующее Исходу, Феанор как инициатор Клятвы — и дальнейших изменений в этих мотивах не происходит.

Также можно говорить об уточнении формулировки (и сути). С самого начала (из тех же “Утраченных сказаний”) известно, что Клятва “ужасная”, и суть ее — “вечно враждовать со всяким, кто завладеет Сильмариллами” (во втором варианте уже появляется первое перечисление таковых — боги, эльфы, люди). Во всех последующих вариантах клятвы суть ее не изменяется. Но обращается не себя внимание то, что феаноринги тщательно перечисляют всех, кого они будут преследовать, включая еще не явившихся в Арду людей, но никак не выделяют непосредственного виновника — Морготта (упоминаются все Валар). Кроме того, во всех формулировках Клятвы, совершенно отсутствует мотив мести за погибшего Финве. Караться должны исключительно те, кто посягает на сильмариллы.

Что касается “ужасности” - вначале это скорее констатация факта, и только в более поздних текстах расширяющаяся формулировка позволяет увидеть, чем именно она “ужасна”. Из “Утраченных сказаний” известно лишь, что сыновья Феанора стали затем “могущественным и неистовым народом” и описано разорение ими Дориата. Прочие обстоятельства их участи — и судьбы сільмариллов — Толкиен еще не определил.

Приближение к известной нам по “Сільмариллиону” формулировке идет следующим путем: в поэме об Исходе появляется упоминание Таникветиль и “покоев Бридий” как свидетелей Клятвы, в “Лэйтиан” - положение о том, что клятву “такими именами” нельзя нарушить, наконец, в “Наброске мифологии” (в процессе исправления

написанного текста) помимо Манве добавлены упоминания Эру и Вечнодлительной Тьмы.

В дальнейшем самое значительное изменение мы видим только в “Поздних Анналах Амана” (X том), где приведен поэтический текст Клятвы, написанный аллитеративным стихом.

Следует отметить, что со степенью “ужасности” растет и список “славных деяний” феанорингов. Именно в “Наброске мифологии”, где первый раз упоминается Вечнодлительная Тьма, впервые описаны разорение Гаваней феанорингами (в “Утраченных сказаниях” это деяние приписывалось Морготу) и определяется судьба Сільмариллов, связанная с попыткой старших феанорингов в конце первой эпохе любой ценой исполнить Клятву.

В целом, рассматривая весь комплекс текстов, мы можем говорить о том, что данный сюжет изменяется достаточно мало (скорее - уточняется и развивается). При этом Клятва феанорингов - один из мотивов, определяющих всю историю Первой Эпохи (на западе мира), а в определенной мере — и дальнейшее ее течение. Не случайно в одном из писем (Письма, №131, 1951 г.) Толкиен приравнивает историю Феанора и сільмариллов — соответственно, и кульминацию ее, момент Клятвы — к моменту (грехо)падения эльфов — соответственно, и к тому моменту, когда начинается собственно эльфийская история (по крайней мере в нашем, человеческом понимании). Таким образом, Клятва феанорингов отчасти определяет дальнейший ход истории.

Для того, чтобы лучше понять и оценить его, нам необходимо исследовать суть этого явления. Рассмотрим для этого, что же такое вообще клятва, какие виды клятв мы знаем и насколько они распространены в мире Арды, а также черты, характерные именно для Клятвы феанорингов.

Толковый словарь Ожегова дает следующее определение клятвы: “торжественное обещание, уверение. Например, клятва верности, в верности”¹⁰.

В христианской традиции под клятвой понимается “обещание или заверение, в свидетели которого призывается Бог”¹¹, “дабы торжественно подтвердить верность своего слова, будь то обет, исполнение которого подкрепляется клятвой или утверждение, за истинность которого клятвенно ручаются”¹².

Уже из сказанного выше следует, что само понятие клятвы неоднозначно и включает в себя несколько типов. Мы можем выделить следующие категории:

- собственно клятва в широком смысле, клятва, условно говоря, позитивная (“я сделаю то-то и то-то”, мечь);
- частный случай такой клятвы — обет, (подразумевает присутствие внешней силы — клятва во славу кого-либо, во имя кого-либо. Например, монашеские, рыцарские обеты);
- клятва верности (вассальная клятва, воинская присяга, присяга президента, супружеские клятвы, дружеская клятва и т. д.);
- клятвы при заключении договоров и союзов (в средневековой правовой традиции);
- клятва свидетеля (утверждение истинности или ложности какого-то факта);
- зарок, гейс (условно говоря, негативная клятва, обещание чего-то не делать).

Мы можем предложить и другую типологизацию клятв — по источникам, в которых они

дошли до нас, исходя из того, к какой из существующих традиций ближе та или иная клятва. Здесь можно выделить языческую, ветхозаветную и христианскую традиции.

Основной пафос языческой, мифологической традиции — за неисполненную или ложную клятву непременно следует кара, напротив, всячески восхваляется герой, клятву исполнивший, даже ценой жизни. Подтверждение этого можно, например, найти, в “Беовульфе”: перед смертью герой поэмы, вспоминая свою жизнь, ставит себе в заслугу, что “... лживыми клятвами не осквернялся, чему сегодня, смертельно раненный я радуюсь в сердце” (Беовульф. ст. 2737-2739).

При этом важно было исполнить клятву любой ценой, в чем бы она не состояла. В “Старшей Эдде” читаем: “Гудрун сказала ...не буду спокойной, пока не убью того, кто забавы мечей затевает”¹³, “Сидя под вечер / около дома /так, не таясь,/дева сказала:/Будет Сигурд/В объятьях моих,/юный герой,/или умрет! /Так я сказала,/ а после раскаюсь...”¹⁴

Однако, в сагах не всегда восхвалялись те, кто исполнил клятву. Сохранилось предание о реальной истории 11 века, когда вдова шведского короля Эрика Сигрида так любила покойного мужа, что поклялась убить всякого, кто пожелает ее в жены. Так она и поступила. Собрала всех женихов на пир (а были это представители королевских родов Европы, в том числе сын Киевского князя Владимира), крепко заколотила двери и запалила с четырех концов здание. Исследователи считают, что знаменитую месть княгини Ольги летописец списал с данного оригинала. Только вот потомки за столь ревностное клятвы прозвали ее “Сигрида-убийца”¹⁵.

В эпосе достаточно часто приводятся проклятия и угрозы в адрес клятвопреступникам, однако, возмездие за клятвопреступление не несет в себе ничего мистического, и является в облике весьма конкретного воина с мечом.

Ветхозаветная традиция по сравнению с эпической очень сакрализована, непременным условием клятвы было призывание имени Бога в свидетели (“Господа, Бога твоего, бойся, и Ему [одному] служи, [и к Нему прилепись,] и Его именем клянись” (Втор.6:13), часто с упоминанием кары, которую он должен обрушить на несдержавшего (“И где ты умрешь, там и я умру и погребена буду; **пусть то и то сделает мне Господь, и еще больше сделает**; смерть одна разлучит меня с тобою” (Руф.1:17).

Новозаветная традиция в своей исходной форме, донесенной до нас Евангелиями, в случае с клятвой, как и во многих других вопросах, идет путем ужесточения моральных требований, отвергая клятву в принципе: “Еще слышали вы, что сказано древним: не преступай клятвы, но исполняй пред Господом клятвы твои. **А Я говорю вам: не клянитесь вовсе:** ни небом, потому что оно престол Божий; ни землею, потому что она подножие ног Его; ни Иерусалимом, потому что он город великого Царя; ни головою твоею не клянись, потому что не можешь ни одного волоса сделать белым или черным. Но да будет слово ваше: да, да; нет, нет; а что сверх этого, то от лукавого” (Матф. 5,33-37). Такого же мнения придерживались и многие из числа отцов церкви первых веков христианства (Григорий Богослов (“На тех которые клянутся” помещенной в книге “Творения” часть 5): “А что Ветхий завет не запрещает клятвы, то требует только истинной, то тогда и убивать было законно, ныне же не позволительно даже ударить; тогда подвергалось осуждению совершение худого поступка, ныне же осуждается самое первое движение ко греху. А потому целомудренней и не клясться”). В то же время “весь христианский мир в подавляющем большинстве, включая православных, католиков и протестантов, основываясь на учении Иисуса Христа, клятву признает и предписывает употреблять клятву не во всех, а в особо важных случаях жизни” (“Доводы христиан, признающих клятву” - <http://blagovest.al.lg.ua/07.html>).

Нам представляется, что отношение Толкиена к этой проблеме, с одной стороны, вобрало в себя черты всех этих традиций, а, с другой стороны, не тождественно ни одной из них. В отличие от клятв героев раннесредневекового эпоса, Клятва феаноригов изначально оценивается негативно (определена как “ужасная”). В эпосе же мы не находим моральной оценки любой клятвы, за исключением осуждения ее неисполнения. В то же время феаноринги, так же как герои эпоса, убеждены в необходимости ее исполнять. Такое отношение к клятвам прослеживается и в “Сильмариллионе” в целом. В ветхозаветной традиции осуждается упоминания имени Бога всуе, однако, признается клятва именем Бога, у Толкиена же, наоборот, она считается гибельной. На первый взгляд, очень близка к его взглядам христианская

традиция (“не клянитесь вовсе”), однако, однозначно утверждать это невозможно, так как в современном богословии нет единой точки зрения на этот вопрос.

Таким образом, беглый взгляд на клятвы в культурной традиции не позволяет уверенно утверждать, что сюжет с Клятвой феанорингов у Толкиена — иллюстрация или заимствование какого-либо мифологического сюжета или догмата.

К какой же традиции ближе клятвы, известные нам в Арде? Чаще всего у Толкиена мы встречаем разного рода клятвы верности (например, все клятвы людей, поступавших на службу к эльфам в Первую эпоху, клятва Финрода Барахиру) и близкие к ним клятвы при заключении договоров и союзов (клятва Кириона и Эорла, Элендила и Гил-Гэлада). Также имеется немалое количество так называемых “позитивных” клятв (сделать что-то) — в основном “отомстить, убить, расправиться”¹⁶ (Берен клянется отомстить за отца, Келегорм и Куруфин — “убить Тингола и изничтожить его народ” и др.). Есть и клятвы “от противного” — обещания не делать что-то (Хурина и Хуора — не разглашать местонахождение Гондолина, Тингола — не причинять вреда Берену).

К какой же разновидности ближе Клятва феанорингов? Нам представляется, что в целом ее можно отнести к клятвам-обещаниям сделать что-либо (а именно “преследовать всякого, кто...”). Ближе всего к ней клятва Берена Тинголу (“ни камню, ни железу, ни огню Моргота, ни всему могуществу эльфийских владык не отнять у меня того, что я жажду” — сравни аналогичное перечисление в Клятве феанорингов, к тому же объектом в обоих случаях является некое “сокровище”: Лютинз у Берена и Сильмариллы у феанорингов). Тем не менее, хотя клятву Берена можно назвать опрометчивой, ее никто не называет “ужасной”. В чем же разница?

- Берен никого не призывает в свидетели
- не ставит условий на случай невыполнения клятвы, не упоминает “вечнодлительной тьмы”;
- клятва обращена на него одного, а не тех, кто ему противостоит;
- в мотиве (он клянется не “преследовать”, а любить и быть с любимой).

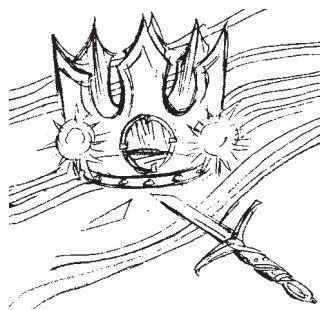
Какое различие здесь определяющее? Мы не можем однозначно ответить на этот вопрос, но очевидно, что они различаются по духу и смыслу.

Как можно охарактеризовать “механизм действия” Клятвы феанорингов? В монографии Рэндела Хельмса “Толкиен и Сильмариллы” автор формулирует 4 основных закона, действующих в мире Арды. Нас в данном случае интересует второй: “Власть клятвы, проклятия или пророчества”¹⁷. Интересно отметить, что, по словам Хатуля, современная религиозная иудейская традиция считает любую клятву магическим или даже метафизическим явлением, “вторгающимся в тонкие структуры Вселенной”, и рекомендует вообще избегать клятв.

В момент произнесения клятвы, по мнению авторов, создается и начинает действовать новый закон, действие которого подобно другим основополагающим законам мира (Арды), например, природным. Этот закон определяет действия круга причастных к нему лиц в значительной степени помимо их воли. Сами феаноринги, как мы можем судить, скорее всего осознают это значительно позднее произнесения клятвы (в незаконченной поэме об Исходе они радостно прыгают с факелами). Как такое возможно? Нам представляется, что среди других даров Эру его детям была способность к творчеству, в том числе способность творить, изменяя мир словом, вмешиваясь в его законы, которой мы лишены.

Самой существенной чертой этой клятвы является непреложный и отчасти даже насильственный характер ее действия на феанорингов: “Но этим именем никто не стал бы скреплять клятву, добрую или дурную, ни призывать во гневе такого свидетеля, и многие содрогнулись, услышав эти беспощадные слова, ибо так произнесенную, добрую или дурную клятву невозможно нарушить, и она станет преследовать сохранившего клятву или нарушившего ее до окончания мира” (Поздние Анналы Амана, том X). Причем давление клятвы возрастает от попыток ей сопротивляться. Наиболее ярким примером этого может служить попытка Маэдраса отречься от клятвы, описываемая в “Повести лет”, “Анналах Белерианда” 4 и 5 томов и других версиях сюжета Клятвы (кроме версии изданного “Сильмариллона”). Последствия были печальны. “Феаноринги страдают от неисполненной клятвы” — страдания как главное событие года отмечены в летописях первой эпохи наравне со случившемся тогда же плаванием Эарендила. Заканчивается

это, как всем известно, нападением феанорингов на Гавани в полном составе. Терпят неудачу и другие попытки феанорингов избежать кровопролития вследствие исполнения Клятвы — неудача переговоров феанорингов с Эльвинг, попытка Маглора убедить брата отправиться в Валинор чтобы Манве и Варда избавили их от клятвы.

Безусловный характер действия Клятвы заставляет порою предположить в ней отдельную сущность, наделенную собственной волей. Можно было бы сказать, что Толкиен одушевляет Клятву, но это несправедливо, поскольку ни души, ни разума у нее нет, а есть инстинкт преследователя, звериное чутье, которое ею движет. Это подтверждает употребление Толкиеном глаголов, описывающих действие клятвы (например, по “Серым анналам”): “клятва пала” (7 г.), “клятва была пробуждена” (465 г.), “клятва Феанора все еще была жива и препятствовала всему доброму” — (468 г.). Эти глаголы характеризуют существо живое, но не разумное. Подобные глаголы Толкиен не употребляет по отношению к другим клятвам, самым близким примером можно считать слова Финрода: “Вернулась ко мне моя клятва”, — однако возвращаются и письма за отсутствием адресата. У Толкиена “одушевленные” глаголы употребляются по отношению к таким понятиям как “судьба”, “рок”, что достаточно традиционно для литературного языка.

Таким образом, принесение клятвы есть проявление свободы воли, но действие клятвы ограничивает свободу воли того, кто клялся, с течением времени практически сводя к ее нулю и не оставляя выбора.

Вопрос о сущности клятвы связан с проблемой сущности сільмариллов, которая вызывала и вызывает столько дискуссий. Аналогия прослеживается в том, что сільмариллы, казалось бы, тоже наделены у Толкиена собственной волей, по крайней мере, несомненной способностью влиять на всех, кто с ними соприкасается. Однако нам представляется, что сільмариллы не действуют самостоятельно, они скорее являются индикатором. В мире Толкиена праведность является вполне физической характеристикой, поэтому реакция сільмариллов “природна”, “естественна”. Они лишь отзываются на побуждения тех, кто с ними соприкасается.

Какова же связь Клятвы и сільмариллов? Например, приводит ли в действие механизм клятвы упоминание Тинголом сільмариллов, “проложившее дорогу року Дориата” (thus **he wrought the doom of Koriath**). На наш взгляд, клятву разбудили не слова Тингола, а действия Берена, очевидно попадающие под формулировку клятвы феанорингов. Никакой мистики и скрытого смысла здесь искать не стоит. Келегорм и Куруфин, не телепатически в момент опрометчивых слов Тингола, а собственными ушами услышали на Совете в Нарготронде о решимости Берена и Финрода добыть сільмарилл и должны были немедленно и публично на это реагировать. Но дальнейшее действие Клятвы от сільмариллов не зависит.

Если судить по лексике, сільмариллы наделены собственной волей, также как и клятва: “As he closed it in his hand, the radiance welled through his living flesh, and his hand became as a shining lamp; but the **jewel suffered his touch and hurt him not**.¹⁸” (камни стерпели (перенесли, позволили, допустили) его, Берена, прикосновение и не причинили ему боли). Однако, на наш взгляд, в данном случае, “одушевленные глаголы” (единственные по отношению к камням) является скорее стилистическим акцентом. Нам представляется, как было сказано выше, что сільмариллы не действуют самостоятельно.

Сільмариллы играют роль повода для Клятвы, но не более. Хотя столь зловещая формулировка вызвана тем, что это были именно сільмариллы. Но “ужас”, связанный с ее действием, на наш взгляд, не в том, что они поклялись именно из-за сільмариллов, а в самой Клятве.

Очевидно, что попытка феанорингов, пусть вопреки воле, следовать Клятве, унесла много жизней. Но главное зло, на наш взгляд, не в этом, как ни кощунственно это звучит. Самое разрушительное действие клятвы оказывает на тех, кто ее дал. Согласно Толкиену, “феа едина и неуничтожима”, но феар

могут быть “поврежденными” и “умалиться”. Феаноринги же, на наш взгляд, доходят почти до грани ее разрушения. Толкиен описывает возможность подобного повреждения феа: “Видимо, “злой” дух заикливается на какой-то страсти или цели и, если он не раскаялся, то эта страсть может быть выше слабости, и тогда будет невозможно вернуть кого-то от недостижимой цели к самому себе. В этом случае он навеки останется во власти бессильного желания или памяти о желании” (“Преображенные мифы” 7.3.Заметки о мотивах Сильмариллиона). Однако в описанном случае феа Саурана страдает от отсутствия раскаяния. Действие же клятвы на феанорингов тем более губительно, чем сильнее герои осознают преступность своих поступков и раскаиваются. Их раскаяние бесплодно и не ведет к исцелению. Старшие феаноринги попадают в замкнутый круг между осознанием зла, которое они творят во имя исполнения клятвы, и пониманием невозможности не совершать его. Лучшее всего этот капкан выражает фраза Маглора “Сдержим мы Клятву или нарушим, Вечная тьма — наш удел”.

Тьма, о которой здесь говорит Маглор, упоминается всего дважды — в момент произнесения Клятвы и перед самой развязкой. Какой смысл вкладывает Толкиен в понятие “Вечнодлющаяся Тьма” (Everlasting Kark)? Несмотря на то, что данная формулировка встречается у Толкиена только в связи с Клятвой феанорингов, само понятие тьмы (Kark, Karkness) с различными эпитетами (внешняя тьма, древняя тьма) употребляется неоднократно. Основное значение этого понятия имеет космогонический смысл. Это пространство за пределами мира в котором: существует Арда, сначала путешествует сам, а потом находится в изгнании Мелькор, откуда, возможно пришла Унголиант, а также, согласно отдельным редакциям, совершает плавание Эарендил и проходят Солнце и Луна, до границ этой тьмы доходил Феанор с сыновьями в своих путешествиях. В этом значении “тьма” может нести негативный смысл (она сопряжена с хаосом, с угрозой, с заточением Мелькора), но необязательно. Но эта тьма не есть зло.

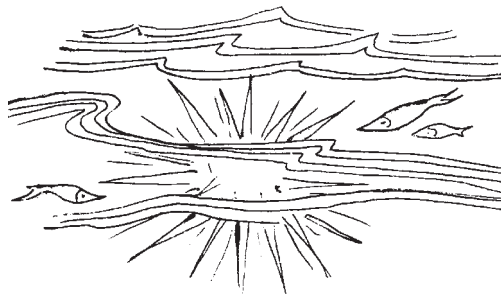
Поскольку в ряде случаев то же пространство за пределами мира Толкиен именует пустотой (Timeless Void), она может рассматриваться и как небытие (“Преображенные мифы”. 7.2).. Так, например, Мелькор был выдворен в пустоту за пределами мира. Но этим значением она исчерпываться не может. По нашему мнению, в клятве Феанора тьма упоминается не в данном значении.

Если мы вернемся к моменту Клятвы, то в сознании самого Феанора и его сыновей она скорее сопряжена с тьмой иного рода, исходящей от Унголиант. “Слепящая тьма нахлынула на Север, и в сердце той тьмы шла тьма, которой не было имени, и тьма изливалась из нее...”. Мы можем только догадываться о том, несколько эта эсхатологическая картина произвела впечатление на не знавших ничего подобного обитателей Валинора. В клятве Феанор понимает тьму, как самую ужасную участь, которую он может представить. “В тот час родилась Тьма, что казалась не пустотой, а живой тварью, ибо она порождена была злой силой (из) вне Света, и владела мощью проникать взор, входить в сердце и душу, и покорять волю”. Для них тьма — это первый страх, который они узнали в жизни, первое соприкосновение со смертью. Таким образом, Вечнодлющаяся Тьма, упомянутая в клятве, это не место, а состояние феа в трагические дни перед Исходом нолдор.

Вечнодлющаяся Тьма из последнего диалога старших феанорингов — это тоже состояние феа, но не состояние первого ожога, а бытие, реальность, в которой они существуют — вина, одиночество,

клеймо “отверженных”. Реальность без надежды и без выхода, от которой не избавит даже смерть. Единственное, на что они еще надеются — это исполнения клятвы.

Итак, была ли Клятва феанорингов исполнена? Для ответа на этот вопрос следует обратиться к формулировке клятвы. Мы уже говорили о том, что клятва не предусматривала мести Морготу. Несмотря на широко распространенное убеждение, целью клятвы не является также получение Сильмариллов. Цель Клятвы — “преследовать всякого, кто...” постигнет

на камни: “to pursue with vengeance and hatred” (“преследовать мстью и ненавистью”, “Сильмариллион”) “This swear we all: death we will deal him ere Kay’s ending” (“Поздние анналы Амана”, 10 т.). Здесь жесткое определение срока Клятвы — “до скончания дней” - усиливает невозможность ее выполнения, также как и скрупулезное перечисление категорий лиц, которые могут посягнуть на камни, делает ловушку безвыходной.

Текст Клятвы удивительно переключается со словами Святого Иоанна Златоуста: “Сколько раз мы в раздражении и гнев клялись не примиряться с оскорбившими нас; потом когда гнев утасал и раздражение утихло, мы и хотели бы мириться, но будучи удерживаемы клятвами, скорбели как захваченные какой-либо сетью и связанные неразрешимыми узами. Потому и противостоящий Богу, зная что гнев есть огонь и легко погаснет, а по утшении гнева бывает примирение и дружба, зная это, и желая чтобы огонь этот оставался неугасимым, нередко связывает нас клятвой, дабы если и прекратится гнев, то остающийся за нами долг клятвы поддерживал в нас пламя, и произошло одно из двух, или примирившись мы нарушили бы клятву, или не примирившись подвергли бы себя осуждению за злопамятство. Зная это будем избегать клятв” (Беседа о статуях. Глава 8).

Таким образом, эта клятва не может быть исполнена до тех пор, пока существуют Сильмариллы, потому что в любой момент может появиться тот, кто на них посягнет. Не случайна радость Маглора при восходе звезды Гиль-Эстель — хотя бы один из сильмариллов стал “недоступен злу” (“secure from all evil”) — до него теперь не смогут добраться ни возможные похитители, ни сами феаноринги.

Но особенно ясно осознали феаноринги неисполнимость Клятвы, после того, как они захватили Сильмариллы. Они не могли ни владеть камнями, ни позволить, чтобы ими владели другие. Выход, который предлагает Эонве, феаноринги отвергают, так как он не избавляет их от необходимости исполнить Клятвы. Кроме того, они не верят в возможность прощения. И тогда остается только один путь к освобождению — уничтожение Сильмариллов. На наш взгляд, гибель Маэдроса можно рассматривать не просто как самоубийство, но именно как попытку уничтожить камень в огненной пропасти и так разорвать этот круг.

Таким образом, рассмотрев эволюцию формулировки, действия и свойства Клятвы, мы возвращаемся к вопросу о том, почему же все-таки Клятва феанорингов — один из важнейших сюжетобразующих мотивов “Сильмариллиона”. Однозначного ответа на это вопрос мы дать не можем.

Во-первых, несмотря на несомненную близость Толкиену сюжетов раннесредневекового эпоса, прямой аналогии с клятвой феанорингов мы не находим. Скорее здесь можно говорить не о прямом заимствовании какого-либо сюжета, а духе “северного мужества”, праведности без воздаяния, который ярче всего воплотился в истории Маэдроса и Фингона.

Скорее истоки мотива лежат в его христианских воззрениях, в размышлениях о гордыне и смирении, о свободе воли и ответственности за содеянное.

Кроме того, можно предположить, что эта проблема могла быть по каким-либо причинам близка Толкиену лично.

Как ни странно, мы не можем однозначно сказать, какой же смысл он вкладывал в этот сюжет. Лежащий на поверхности ответ — назидательность в первую очередь с христианских позиций (судьба феанорингов — кара за гордыню вначале и кара за отчаяние под конец) представляется нам недостаточным. Согласиться с этой точкой зрения мешает рассмотрение эволюции текста, где прослеживаются по меньшей мере две тенденции: 1. Усиление “ужасности” Клятвы и ее последствий, т. е. сделанного во исполнение ее. 2. Если можно так выразиться, сочувствие автора феанорингам, подчеркивание насильственного характера действия Клятвы, нежелания, раскаяния, попыток сопротивления у феанорингов. Возможно, этот вопрос требует дальнейшего изучения.

Безвыходна ли история Клятвы? Неоднократно обсуждалось, какой выбор был у феанорингов в конце Первой эпохи. Последовать предложению Эонве, вернуться в Аман и ждать решения суда валар было для них в тот момент, после всего совершенного ими уже психологически невозможно. В сущности у них был только один выход — просить о разрешении от Клятвы того, чьим именем они клянутся — Эру. Но сами они этой возможности не видят. Мир “Сильмариллиона” - дохристианский

мир, еще не знающий о том, что нет вины перед Господом, которая не может быть прощена кающемуся. Новый завет в нем еще не написан.

И все-таки — “есть ли для меня какая надежда?” (...) Несомненно, что сюжет, связанный с Клятвой феанорингов, наряду с историей детей Хурина — один из наиболее мрачных и безысходных у Толкиена. Таким бы он и был, если бы не наше понимание того, что конец Первой эпохи — это еще не финал Драмы, история мира продолжается, вслед за концом истории будет создана Арда Исцеленная. И хотя мы не знаем, как будет разрешен весь этот узел проблем, но то немного, что нам известно о ее сущности, позволяет нам надеяться.

Благодарим всех, кто помогал идеями, переводами, поиском текстов, обсуждением, замечаниями и т.п. создателям данного опуса:

Хатуля — за сведения о клятве в Ветхозаветной традиции и иудаизме в целом;

Любелю — за предоставленные данные о клятве в христианской традиции;

Гарета — за то же;

Инну Макаревич — за перевод “Серых анналов” и помощь в поиске сведений о клятвах в раннесредневековом эпосе;

Хэлкэ — за предоставленные переводы “Лейтиан” и текстов X тома;

Сабрину — за высказанные идеи и помощь в сборе информации;

Остогера — за сведения о клятвах в Арде;

Талиорне — за то же;

Членов клуба “Тирион”, К.Кинн и других участников секции толкиенистики “Зиланткона — 2001” за высказанные критические замечания по докладу и участие в обсуждении.

Примечания:

¹ В данном случае имеются в виду конечно же не гномы/карлы (Kwelves), но Гномы/Нолдор (Gnomes) — употребляемая Толкиеном в ранних произведениях (наряду с “Noldoli”) форма названия этого народа.

² 1910-е гг. “История изгнанных Гномов по ранним наброскам”

[После (!) прихода Гномов в Срединные Земли, встречи с Илькоринами и даже возвращения Майдроса из Ангаманди]

“Далее Семь Сыновей Феанора дали клятву вечно враждовать со всяким, кто завладеет Сильмарилями. (Это первое упоминание Семи Сыновей, и Клятвы, хотя о том, что у Феанора были сыновья, говорится в “Сказании о Солнце и Луне”. стр. 192)

“История Изгнанных Гномов согласно более позднему наброску”

[После некоторого времени мирной жизни в Срединных землях]

“... (Здесь не говорится, что Майдрос был освобожден и вернулся, но это подразумевается в Клятве Семи Сынов, о которой далее.)

Семь Сынов Феанора дали ужасную клятву вечной ненависти ко всем: Богам, Эльфам или Людям, кто бы ни пожелал завладеть Сильмарилями; и Дети Феанора оставили войско Нолэмэ и вернулись в Дор Ломин, где они стали могущественным и неистовым народом.”

Book of Lost Tales I (HoME I)

³ 1926- или 1927 г.(Феанор:)

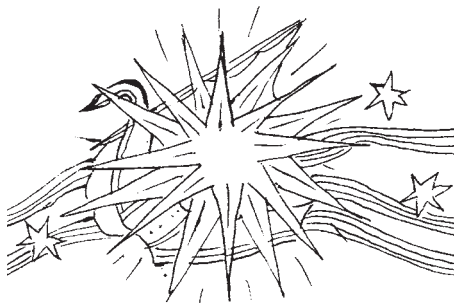
...я приношу здесь клятвы,
Нерушимые узы, что свяжут меня навсегда,
(Я клянусь) Тимбрентинг и не знающими времени покоями
Бредиль Благословенной, что обитает в вышине, -
пусть она слышит и внимает, - преследовать бесконечно,
неутомимо, не колеблясь, по всему миру и морю,
в осажденных (?) землях, одиноких горах,
по болотам и лесам и ужасным снегам,

пока я не найду эти дивные (камни), где скрыта
судьба
эльфийского народа, и где заключено их счастье,
где только и остался ныне божественный свет”.

Сыновья его (стояли) рядом с ним, семеро
родичей,
Искусный Куруфин, Келегор прекрасный,
Дамрод и Дириэль и темный Карантир,
Маглор могучий и Майдрос высокий
(старший, чей жар еще нетерпеливее горел,
чем пламя его отца, чем гнев Феанора;
его ожидала судьба с ужасным концом);
они прыгали, смеясь, вокруг своего лорда;
с факелами в руках, они легко принесли
нерушимую клятву; с тех пор она (it)
пролила кровь, словно море, и давала работу мечам
бесчисленных армий, и еще не закончилась:
“Будь то друг или враг, или грязное потомство
Моргота Бауглира, будь то темный смертный,
что в последующие дни будет жить на земле,
пусть ни закон, ни любовь, ни союз Богов,
ни мощь, ни милосердие, ни начертанная судьба
не защитят его никогда от свирепой мести
сыновей Феанора, - того, кто захватит или украдет
или присвоит, найдя, прекрасные и благословенные
шары из хрусталя, чья слава не умирает, -
Сильмарилли. Мы поклялись навечно!”
Тогда могучий гул воздвигся вокруг
И внимающая толпа приветствовала их ревом:
“Пойдем же, пойдем навеки прочь от Богов,
по следу Моргота, через горы мира,
к отмщению и победе! Твои клятвы - наши! ...”
(Но вскричал Финвег, сын Финголфина,

когда его отец нашел этот дивный совет,
где ум и мудрость не имели более цели:
“Дураки...”

НоМЕ, в. III. (Здесь и далее во всех специально неговоренных случаях перевод Кеменики (Е.
Лебедевой).

⁴ Там метались и мерцали бесчисленные факелы,
И нолдор, покидая свои потемневшие дома,
Толпились на длинной извилистой лестнице,
Что вела к широкой площади, где отдавалось эхо.
Там Феанор оплакивал свои дивные камни,
Сильмарилли, созданные им. И как вино,
Пьянили их его безумные, иступленные слова;
Весь народ внимал в мертвом молчании.
Но то, о чем говорил он,
Безумное и мудрое одновременно,
Наполовину истина, наполовину плод лжи,
Что посеял в Валиноре Моргот

-
Об этом рассказано в других песнях.
Он звал их уйти из дивных земель,

Пересечь море, в земли без дорог,
К полным опасностей берегам,
Где режут воды, кишащие льдинами;
Последовать за Морготом в неосвещенную землю,

Оставив свои жилища и бывшие радости;
Вернуться назад во Внешние Земли
К войнам и горестям. И тут соединили они руки,
Семеро сыновей, принося обет.
Клянясь под звездами Небес
Священной Вардой, что создала их
И наполнила светом,
И поставила гореть в темной глубине.
И священную вершину Таникветиль называли они,
На которой возведены неподвластные времени чертоги
Манвэ, владыки Валар. Тот, кто призывает эти имена
В свидетели, не может нарушить свою клятву,
Хотя бы земля и небо сотрясались!

Куруфин, Кэлегорм прекрасный,
Дамрод и Дириэль были там,
Карантир темный и Маэдрос высокий
(которого ждут в будущем мучения),

И Маглор могучий, что до сих пор, подобно морю,
Глубоким голосом горестно поет.

“Будь он друг или враг или скверное семя
Моргота Бауглира, или смертный сын,
Что в грядущие дни станет жить на земле,
Ни закон, ни любовь, ни самый ад,
Ни мощь Богов, ни начертанная судьба
Не защитят его от гнева и ненависти
Сыновей Феанора, если он возьмет или похитит,
Или найдя, присвоит Сильмарилли,
Трижды благословенные шары света,
Что будут светить до прихода Последней тьмы.”

Лэйтнан//НоМЕ, v. III. Перевод Хэлкэ (И. Ремпен)

5 1926 г. “Добавлено: Феанор и его сыновья дают нерушимую клятву (горой) Тимбрентинг и именами Манве и Бридиль - преследовать любого, - Эльфа, Смертного или Орка, кто будет владеть Сильмариллями.”
The earliest Silmarillion (“The Skethch of the Mythology”)(§5, note 3)// НоМЕ IV.

⁶ (1930 г.) “Тогда он поклялся ужасной клятвой. Его семеро сыновей подскочили к нему и вместе произнесли тот же обет, каждый - с обнаженным мечом. Они дали нерушимую клятву, именами Манве, Варды и священной горы,(*5) - преследовать с ненавистью и местью до конца (до краев?)мира Вала, демона, эльфа, человека или орка, который возьмет, будет удерживать или хранить Сильмариль против их воли.

примечание:*5. Предложение было переписано:

Они дали клятву, которую никто не сможет нарушить и никто не должен давать (none should take), именем Всеотца, призывая на свои головы Вечнодлющуюся Тьму, если они не сдержат ее, и Манве они призывали в свидетели, и Варду, и Священную Гору, обещая....”

Там же. р. 94, 97.

⁷ (1930 г.) “На этом собрании Феанор и его сыновья дали страшную клятву убить или преследовать всякого, кто будет владеть Сильмарилем против их воли.”

The earliest Annals of Valinor // Там же. С. 266

В “Анналах Валинора” V тома добавлено: “преследовать с **ненавистью**”. // Там же. С. 127.

⁸ (1937-1938 гг.). Формулировка “Сильмариллиона” V тома без изменений вошла в опубликованную К. Толкиеном редакцию книги. // Там же. С. 257.

⁹ И тогда Феанор поклялся страшной клятвой. И немедленно его семь сыновей подскочили к нему и каждый принес ту же самую клятву и красны, как кровь, сверкали их обнаженные мечи в свете факелов.

Будь он враг или друг, запятнан или чист,
Порождение Моргота или Светлого Вала,
Эльда или Майа или Пришедший следом,
Человек, еще не рожденный в Средиземьи,
Ни закон, ни любовь, ни союз мечей,
Страх или опасность, или сама судьба,
Не защитит от Феанора или его родичей того,
Кто бы ни спрятал или сохранил или взял в ладонь,
Найдя, сберег или прочь выбросил
Сильмарил. Так клянемся мы все:
Смерть принесем мы ему прежде конца Дней,
Горе до самого скончания мира.
Слово наше слышишь ты,
Эру Всеотец! В вечнодлющуюся Тьму
Ввергни нас, если дела не совершим.
На святой вершине услышьте и засвидетельствуйте,
И нашу клятву запомните, Манвэ и Варда!

Так говорили Майдрос и Маглор, и Кэлегорн, Куруфин и Крантир, Дамрод и Дириэль, князья нолдор. Но этим именем никто не стал бы скреплять клятву, добрую или дурную, ни призывать во гнев такого свидетеля, и многие содрогнулись, услышав эти беспощадные слова. Ибо так произнесенную, добрую или дурную клятву невозможно нарушить, и она станет преследовать сохранившего клятву или нарушившего ее до скончания мира.

The Annals of Aman // HoME X. P. 112

(Перевод Хэлкэ (И. Ремпен).

¹⁰ Словарь русского языка/Сост. С. И. Ожегов. М., 1952. С. 244.

¹¹ В. П. Вихлянец. Библийский словарь русской канонической Библии Синодального перевода 1816-1876 гг. Б/м. [199-]. С. 186

¹² Словарь библейского богословия. Брюссель, “Жизнь с Богом”, 1990. с.492-493

¹³ Вторая песнь о Гудрун. Строфа 31. Старшая Эдда . Спб.,2000. С.288.

¹⁴ Краткая песнь о Сигурде. Строфы 6,7. Там же. С. 261.

¹⁵ Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII .М., 1993. С. 412, 414-415.

¹⁶ Формулировка Остотера.

¹⁷ Randel Helms Tolkien and Silmarils. Houghton Mufflin company, 1981 P. 48

¹⁸ The Silmarillion, глава 19.

Продолжение. Начало в №№ 21-28

Кольцо как “уравниватель”

Эта “иллюзия исторической истинности и перспективы” достигается, конечно, как сказал и сам Толкин в “Беовульфe”, “по большей части с помощью особого искусства” (ЧК, с.247). Однако и искусство подчас выдыхается. Толкин и сам признался “Обзерверу” (20 февраля 1938г.), что в процессе создания “Хоббита” действие дважды буксовало. Он не сообщает, где именно, оставляя исследователям самим искать ответ на этот вопрос и давая им полную свободу выказать себя полными идиотами. И все же можно было бы попытаться доказать, для начала, что в первых главах “Хоббита” автор занят по большей части только распутыванием клубка коллективного читательского недоверия и игрой на этом недоверии. Но уже в конце главы четвертой отряд задерживается и возникает чувство, что автор с трудом подыскивает этой задержке какое-то разумное оправдание.

Когда в горах разыгрывается буря, Бильбо выглядывает из-под одеяла и видит “на другой стороне ущелья каменных великанов, которые играючи швыряют друг другу огромные обломки скал”. В толкиновской вселенной великаны после этого случая уже не появляются, за одним только исключением: в седьмой главе Гэндальф мимоходом упоминает о том, что они-де некогда существовали; и это все. Пропитанный отрывок выбивается из общего стиля книги, да и против вкуса грешит: возникает впечатление, что автор попросту иллюстрирует устаревшую интерпретацию легенд о великанах: еще не так давно существовала теория, согласно которой великаны считались разновидностью “природного мифа”. Сторонники этой теории считали, что миф о великанах возник в результате персонификации впечатляющих явлений природы, — скажем, горных лавин (в девятнадцатом веке сторонники этой теории полагали, что скандинавский бог Тор и его молот олицетворяют гром и молнию). Для Средьземелья это чересчур аллегорично. Однако вскоре история пускается вскачь. Гномы попадают в плен к гоблинам (которые, кстати, очень смахивают на солдат, как чуть пораньше тролли напоминали пролетариев), им удается бежать, гоблины пускаются в погоню, “быстрые, как хорьки”, и Бильбо против воли оказывается разлучен с гномами. Проходит довольно много времени; Бильбо ползет по туннелю — и вдруг под руку ему внезапно попадает “нечто на ощупь напоминающее холодное металлическое колечко. Это было поворотное событие в жизни хоббита, — комментирует Толкин, — но сам он об этом даже не догадывался”. Поворотным оказалось это событие и в жизни самого Толкина, поскольку этот эпизод явился отправной

точкой для большей части всего, что вышло из-под его пера впоследствии: отсюда и Голлум, и Саурон, и весь “Властелин Колец”.

Однако в тот момент автор догадывался об этом не больше, чем Бильбо. Позже Толкин свидетельствовал, что в “Хоббите” “непрощеными мелькали догадки о вещах гораздо более высоких, глубоких или темных, чем те, о которых шла речь “на поверхности”: о Дюрине, Мории, об истинном могуществе Гэндальфа, о Чернокижнике-Некроманте, о Кольце”. Что касается Кольца, то его значение стало меняться сразу после выхода в свет “Хоббита”, между первым и вторым изданиями. В первом издании история с Голлумом излагалась довольно-таки прямолинейно: Бильбо нашел колечко, встретил Голлума, они решили посостязаться в загадках, и ставкой при этом была жизнь Бильбо против голлумова “сокровища”. Бильбо победы, но поскольку, по чистой случайности, “сокровищем” успел завладеть еще раньше, то попросил Голлума вместо “сокровища” показать ему выход из подземелья. Эта цепь событий достигает результата: она освобождает Бильбо от любых обвинений в воровстве (он-де честно выиграл голлумово колечко!). Но любой читатель, знакомый с Кольцом по более поздним его проявлениям, сразу поймет, что самое удивительное во всем этом — странная готовность Голлума вот так вот, ни за что ни про что, прозакладывать свое любимое “Сокровище”. Он неестественно легко переживает потерю Кольца и, в качестве любезного возмещения за отсутствующий выигрыш, сам предлагает хоббиту вывести его из пещеры. “Уж и не знаю, сколько раз попросил прощения Голлум. Он без конца повторял: “Проссти нас, проссти нас! Мы не хотели его обмануть, мы хотели только отдать то, что с нас причитается, правда, правда, мы хотели отдать ему наш единственный деньрожденный подарочек, и отдали бы!” (певое английское издание “Хоббита”, с.92). Во втором и третьем издании Голлум ведет себя совсем по-другому: “Вор! Вор! Вор! Бэтинс — вор! Ненавидим его! Ненавидим на веки вечные”, — кричит он. В дальнейшем оказывается, что это обвинение в адрес Бильбо, по-видимому, справедливо, поскольку в этой версии на кон ставится жизнь Бильбо против любой, точно не определенной услуги Голлума — например, показать путь наружу. В обеих версиях Бильбо получает кольцо и отыскивает выход, однако в последней версии его претензия на законное обладание кольцом выглядит довольно шатко.

Толкин, заметим, интегрировал новую мысль в повествование с удивительным искусством, при этом ухитрившись найти местечко и для первоначальной версии. Бильбо, с нехарактерным для него лукавством, приводит ее в доказательство того, что он обладает Кольцом совершенно законно и что в его правах никто сомневаться не должен. Это раздвоение версий — главное, что следует помнить при исследовании генезиса “Хоббита”. И, конечно же, совершенно очевидно, что это кольцо — не более чем искусственная “подпорка”, наподобие хорошо известных предметов - “помощников”, которые обычно фигурируют в волшебных сказках или легендах (например, в гриммовском “Короле Золотой Горы” — кольцо, исполняющее желания, и плащ-невидимка), но, кроме того, подпорка, предназначенная для того, чтобы поддержать авторитет Бильбо в глазах гномов. Это что-то вроде “уравнивателя”^{*1}.

Итак, Бильбо заполучил Кольцо, но от этого количество точек соприкосновения с Дикоземьем у хоббита не увеличилось: он по-прежнему не способен освежать зверя, или перехитрить варгов; когда в главе 15 Балин спрашивает у Бильбо, понимает ли тот язык птиц, — “А ты что-нибудь понял, Бильбо?” — Бильбо приходится ответить: “Далеко не все”. Рассказчик, по-прежнему стремясь обратить наше внимание на пропасть между Бильбо и повседневной, нормальной реальностью Средьземья, добавляет: “По правде говоря, Бильбо вообще ничего не понял”. Когда над ним насмехаются вороны, он даже не способен этого заметить. Однако кольцо заполняет эту пропасть. Пока у него не было кольца, Бильбо играл, по сути, роль багажа, который гномам приходилось таскать за собой, а прозвание “грабитель” ничего не означало и только еще больше запутывало — прежде всего самого Бильбо. Но благодаря кольцу Бильбо получает возможность действовать активно, и он с ходу начинает пользоваться этой возможностью, — для начала незамеченным минует гномью стражу и тем самым сразу поднимает свой престиж: “Если прежде гномы сомневались в его профессиональных качествах, то теперь сомнения развеялись”. Затем Бильбо спасает своих товарищей — сперва от пауков, потом — из эльфийских подземелий. После этого проблема только в том, чтобы сохранить свой статус на той же высоте и не допустить, чтобы авторитет свелся к случайной везучести, благодаря которой он нашел кольцо. Толкин

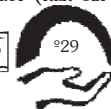

уделяет этой проблеме некоторое внимание, когда, рассказывая об эльфийских подземельях, замечает: “Волшебное кольцо — вещь, конечно, замечательная, но кольцо-то одно, а гномов четырнадцать”, так что заслуга в организации побега остается всецело за Бильбо, к тому же после драки с пауками даже рассказ о волшебном кольце не поколебал гномьего уважения к хоббиту, так как гномы убедились, что, помимо кольца и неизменной удачи, Бильбо еще и находчив, — “а все вместе это уже кое-что!”

Это последнее заявление звучит несколько провокационно, поскольку в нем содержится намек, будто волшебные кольца никому просто так, случайно, в руки не попадают. Однако уже сама по себе спорность статуса Бильбо показывает, что появление кольца изменило весь ход повествования. Кольцо дало автору новые возможности для изображения действия, которое одновременно протекало бы в “героическом” ключе и сохраняло правдоподобие. Кольцо превратило противостояние древности и современности в нечто вроде диалога.

Главная тема этого диалога — мужество. Немногим современным читателям “Беовульфа”, “Старшей Эдды” или исландских “семейных саг” удастся избежать определенного чувства неадекватности, когда перед ними чередой проходят персонажи, которые, по всей видимости, вообще не знают, что такое страх, причем для них это бесстрашие совершенно естественно и вовсе не выходит из ряда вон. Как смогли бы мы ужиться в таком обществе? Ведь нашу культуру характеризуют “мягкость, приземленность, робость” (47) — на что бы мы сгодились в подобном обществе? Разве что в рабы. На это сомнение в своих силах Бильбо Бэггинс дает читателю трезвый, но относительно оптимистический ответ. ЕГО мужество проявляется, когда Бильбо остается один и не знает, что делать дальше. В первый раз он отказался подчиниться страху, когда ему пришлось спастись от Голлума: он не убил беззащитного врага, как диктовал ему страх, но просто перепрыгнул через него (этот эпизод появляется только во втором издании). Более значительна сцена, в которой Бильбо сражается с гигантским пауком и убивает его (“в одиночку, да еще в полной темноте и без какой-либо помощи со стороны волшебника или гномов”). В третьей сцене он ползет вниз по туннелю в горе, чтобы в первый раз встретиться со Смаугом, но, услышав, как храпит впереди дракон, останавливается. Толкин придает этому моменту большое значение: “Следующий шаг потребовал от него мужества, на какое он раньше способен не был. Все великие испытания, выпавшие на его долю впоследствии, не шли с этим ни в какое сравнение. В этом темном туннеле, еще плохо представляя себе, какая грозная опасность ждет его впереди, хоббит одержал над собой величайшую победу, причем совершенно самостоятельно. Итак, сделав передышку, хоббит двинулся дальше...” (с.215). Такие сцены напоминают нам о том, что даже “уравнитель” Сэмюэла Кольта не делает героями всех без исключения; он только дает одинаковые возможности, ставит всех в одинаковое положение. Кроме того, нам демонстрируют поведенческую модель, подражать которой в принципе возможно (никто не может голыми руками сражаться с драконом, но со страхом сразиться может каждый). Главное в этих сценах то, что они благосклонно живописуют эту специфическую разновидность мужества: холодного, чисто “нравственного”, трезвого, которое наш век почитает наиболее охотно.

Эти же сцены как бы подставляют гномов под жало сатиры — той самой, что в начале повествования была обращена на Бильбо с его модернизмом. Торин Дубоцит, несмотря на свое героическое имя, ничтоже сумняшеся посылает в туннель именно негероического Бильбо, а все остальные гномы испытывают по этому поводу лишь некоторую неловкость и ничего более. Рассказчик настаивает на том, что “если бы он, паче чаяния, попал в беду, гномы наверняка приложили бы все усилия, чтобы выручить его, как оно и случилось в самом начале похода при встрече с троллями” (с.213), однако полной убежденности в его голосе не слышно. Убежав от гоблинов, Бильбо подумывает вернуться в подземелья на поиски товарищей, но вскоре обнаруживает, что гномы живы-здоровы и собираются в отношении него самого поступить прямо противоположным образом! “Не лезть же нам теперь снова в эти проклятые подземелья! Да гори он ясным пламенем!” — вот их последнее слово. Может быть, Гэндальф и уговорил бы их. Но прежде, чем заклеить нерешительность гномов как предательство по отношению к образам героев древнего Севера², необходимо уразуметь, что “диалог культур”, который ведется в “Хоббите” — на самом деле вовсе не диалог, поскольку в этом разговоре участвует много голосов. Как это красиво звучит, когда в конце “Хоббита” рассказчик, возвращаясь к суровому лаконизму “героического стиля”, сообщает (как бы

между прочим), что, поскольку Торин пал в бою, Фили и Кили, само собой разумеется, пали тоже: “...они погибли, прикрывая Торуна своими щитами и телами, ведь Торин был старшим братом их матери”. Этот мотив отзывается незапамятной стариной. Много можно сказать также и в защиту Торуна. Хорошо видно, с каким удовольствием Толкин на протяжении довольно большого отрезка повествования (примерно с шестой по восьмую главу) на многих примерах исследует и живописует то грубое, неотесанное, нетерпимое, но и независимое поведение, которое так характерно для древнескандинавских героев. Например, загнанный на дерево Гэндальф, не мудрствуя лукаво, попросту пытается перед смертью убить как можно больше врагов; орлы-спасители, как уклончиво выражается рассказчик, птицы “не особенно добрые”; в истории отношений Торуна с эльфийским королем есть одна особенно тонкая сцена, в которой обе стороны третируют друг друга с характерной мрачной наглостью. Нагляднее же всего это поведение демонстрирует Беорн.

В некотором смысле это наименее “вымышленный” персонаж во всей книге. Его имя представляет собой древнеанглийское “героическое” слово, которое означает “человек”, хотя в древности могло также означать “медведь”; таким образом, вполне естественно получается, что Беорн — это медведь-оборотень. Каждую ночь он меняет облик, или, по выражению Гэндальфа, “шкуру”. Ближайшая ему аналогия — герой древнескандинавской саги “*Bothorn Bjarki*” (“Медвежонок”), а также сам Беовульф, чье имя часто объясняют как “пчелиный волк”^{*3}, то есть опять-таки медведь: тот, кто с медвежьей силой и неуклюжестью ломает мечи, отрывает руки, крушит ребра. И действительно, Беорн держит пчел, груб в обращении, после темноты доверять ему нельзя, а “в гневе он ужасен” — причем сообщение о том, что “в хорошем настроении он вполне добродушен”, ничем не утешительнее этих характеристик. Гномы и Бильбо видят обе эти стороны, но осознают их как единое целое. На второе утро они застают Беорна в прекрасном настроении — он рассказывает “забавные истории” и извиняется перед гномами за то, что усомнился в их словах, которым он нашел подтверждение, взяв в свидетельство двух пленников:

— А как же варг и гоблин? Что ты с ними сделал? — неожиданно спросил Бильбо.
— Иди посмотри! — Беорн указал взглядом на дверь.

Все вышли во двор и, обогнув дом, увидели за воротами, на колу, голову гоблина, а чуть подальше — шкуру варга, прибитую к стволу дуба. Да, с врагами Беорн был беспощаден! Но гномам он сделался теперь другом...” (с.134).

“Может быть, телом они слабы, зато мужественны сердцем”^{*4}, — сказал Толкин о читателях волшебных сказок. В общем контексте свирепость Беорна даже привлекательна: она хорошо сочетается и с его грубостью и с его веселостью, поскольку эти черты характера — только проекции той глубинной уверенности в себе, которая, как хорошо знал Толкин, составляла подкладку “теории мужества”. “Во что ты веруешь?” — традиционно спрашивали странников короли в исландских сагах, и неизменно получали один и тот же ответ: “*Ek trui a sjallan mik*”, — “В самого себя”. Герой по имени Киллер-Глумр, дровосек подобно Беорну, расширяет традиционный ответ: он-де верит только в себя, свой топор, кошелек и амбар. Оба персонажа производят впечатление людей, которые прошли через экзистенциальный кризис и вышли из него с другой стороны, оставив кризис в самом плачевном и потрепанном состоянии.

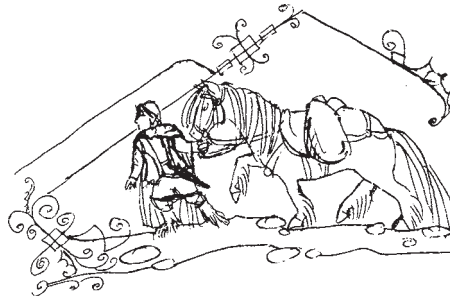
Одинокaя борьба со страхом; яростное отрицание страха. Эти две модели поведения — одна современная, другая архаическая — кружат друг возле друга почти на всем протяжении “Хоббита”. Неверным было бы сказать, что их конфликт в итоге благополучно разрешается, но, по крайней мере, ближе к концу книги количество анахронизмов достигает максимума, а стили вступают в прямое столкновение — сперва в сцене смерти Смауга, затем в рассказе о Битве Пяти Воинств.

Чтобы расставить все по своим местам, выскажем догадку, что убить Смауга было главной задачей всей книги, а не одних только гномов. У Толкина было несколько образцов, которыми

он мог в этом деле руководствоваться: так, Беовульф убил “своего” дракона в честном поединке, но и сам при этом погиб; Сигурдр из “Эдды” убил Фафнира с помощью хитрой стратагемы, использовав известное уязвимое место драконов — мягкое брюхо; Витарр должен будет убить дракона Мидгардсмор, или “Ящера Средьземелья”, когда разразится Рагнарек, то есть конец света: Витарр наступит дракону на нижнюю челюсть, руками возьмется за верхнюю и разорвет чудовище надвое. Последний способ не подходит ни людям, ни хоббитам, способ, избранный Беовульфом,

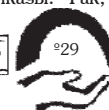

чересчур мрачен, а способ Сигурдра — слишком незамысловат и потому не очень интересен. Поначалу Толкин, впрочем, обдумывал нечто именно в последнем роде, но если гномы знают много искусных приемов борьбы, то и Смауг, надо полагать, в таких делах был не новичок. В конце концов Толкину все-таки пришлось разыграть вариант с “мягким брюхом”, но при этом в сцену убийства дракона он добавляет нечто столь же анахроничное по отношению к “героизму” старого закала, как и решение, которое Бильбо принимал в темноте подземелий. Этот новый элемент — “дисциплина”.

Как и слово “*glamour*”, “дисциплина” (“*discipline*”) — слово, которое претерпело на своем веку множество изменений. В своем первом варианте, на английской почве, в “*Ancrene Wisse*”, оно означает “бичевание”: автор трактата утверждает, что отшельники должны укрощать плоть “*mit herde disciplines*”. Позже это слово стало означать “обучение” или “натаскивание”, особенно в смысле военной муштры, выучки. В XVIII столетии оно относится ко всему комплексу действий, который должен был приводить в состояние боевой готовности оружие британской пехоты — мушкеты “Браун Бесс”. Требовалось наладить оружие, зарядить его, прицелиться, взвести курок и, наконец, выстрелить. При точном и безупречном выполнении этот ритуал делали британские “красные мундиры” неуязвимыми для лобовой атаки (как при Куллодэне(48)), однако в случае неточности или сбоя оставлял англичан, согласно цитате из ОСА, “жертвой презрения и легкой добычей врагов” (как при Фалькирке годом раньше(49)).

В дни Толкина слово “дисциплинированность” стало означать наиболее ценное из всех британских “имперских” качеств характера, которое заключается в особом хладнокровии и в случае необходимости готовности принять заслуженную кару. ОСА находит это качество трудным для определения. Классический случай яркого проявления этого свойства — во время крушения военного корабля “Биркенхед” в 1852г., когда пять сотен моряков оказались на тонущем корабле посреди полного акул моря, при том что шляпок было мало и все утлые. Матросы выстроились на палубе, соблюдая, согласно “Годовому журналу” за 1852 год, “абсолютную дисциплину”. Им было разрешено прыгать за борт и плыть к тем нескольким лодкам, которые были спущены на воду. Но капитан корабля обратился в матросам с просьбой не делать этого, так как лодки, в которых уже сидели женщины, неминуемо перевернулись бы и утонули. “До лодок попытались добраться лишь некоторые, не более трех человек, — говорится в отчете. — Героически соблюдая дисциплину, все солдаты были, с погружением корабля, поглощены волнами”(50). Это событие стало частью мистического ореола, окружающего Британию, — равно как и само свойство характера, о котором идет речь. В 1916 году лорд Китченер обратился к армии, в которой служил тогда Толкин, с призывом “выказать дисциплинированность и точность под огнем врага”, в чем слышна типичная установка на пассивность. В ранней северной литературе нет ничего похожего. В “Сэге об Эрике Рыжем” рассказывается история, напоминающая только что рассказанную: один из героев уступает другому свое место в спасательной шляпке. Но делает он это по-своему, с характерной бравадой и грубостью(51). Толкина учили ценить дисциплину с самых ранних лет, и это помогло ему решить проблему со Смаугом.

Смауга убивает Бард Лучник. Это деяние вполне можно назвать истинно героическим. Решающую роль здесь играет стрела, переходившая из поколения в поколение как родовое сокровище. До удачного выстрела в дракона Бард — только безымянный участник массовки, хотя он и отдает приказы. Так,

именно он приказал трубить в трубы, вооружиться, наполнить водой все кувшины и разрушить мост; именно это последнее остроумное распоряжение на мгновение остановило Смауга, который собирался проникнуть в город по мосту, но побоялся, что холодная озерная вода угасит его огонь. Город встречает дракона “тучей черных стрел”, выпущенных отрядами лучников под руководством “хмурого человека (звали его Бард), который беспрестанно перебежал от одних защитников города к другим, подбадривая лучников. Именно он заставил отдать приказ о защите города до последней стрелы”. Выражение “сражаться до последнего” (“*to fight to the last round*” на английской почве этимологически восходит к эпохе мушкетеров) — это, конечно, фразеологизм, у британцев порожденный именно идеей дисциплины. Толкин перенес в древность этику Ватерлоо и Альбфейры(52). Тот же прием повторяется, когда дракон подвергает город разрушению и жители бросаются к шляпкам: “И все-таки небольшой отряд лучников, занявший оборону среди горящих домов, все еще продолжал сопротивление. Отрядом командовал Бард...” Фраза “держать оборону” (“*to hold one’s ground*”⁵⁵) до 1856г. нигде зафиксирована не была, ее нет даже в ОСА, хотя ей имеется параллель в древней поэме “Битва при Мэлдоне”, где англичане призываются “защищать место, на котором стоят” (что им не удается). Это “удерживание места” не приносит данным конкретным лучникам из “Хоббита” никакой пользы, равно как и вреда Смаугу: дракон находит свою гибель не от их стрел, а от одной последней стрелы, единственной, особенной, выпущенной Бардом в последнем героическом порыве. Однако в целом сцена выдержана скорее в современном духе, нежели в древнем: хладнокровие участников, их готовность к любому исходу, решающим образом отличает их от берсеркеров (слово “берсеркер” в переводе означает “медвежья рубашка”, то есть вызывает ассоциации скорее с Беорном) с их древней “боевой яростью”. Смауга удается победить только благодаря дисциплине и тому, что за долгие годы дракон позволил себе расслабиться и утратил бдительность & , в результате чего броня Смауга пришла в упадок, а сам он по случайности выдал свое слабое место хоббиту, дрозду и, в итоге, человеку.

Смерть Смауга, как и приключения Бильбо в темноте подземелий, дает автору повод на наглядном примере познакомить нас с тем, что такое современное мужество. Противоположность этим сценам представляет Битва Пяти Воинств (где Бильбо исчезает из вида, и героизм демонстрируют другие — Торин, Фили, Кили, Даин и, в особенности, Беорн), а также, немногим раньше, в гл.15 необычно усложненная сцена спора между Бардом и Торином. В этой сцене Бард и Торин противостоят друг другу, причем их противостояние никоим образом не напоминает по-детски непосредственное “выяснение отношений”. Если подытожить предложения, которые Бард делает Тору, получится следующее: /1/ Я убил дракона, следовательно, заслуживаю награды /2/ я — наследник Гириона, властителя Дэйла, а значительная часть сокровищ Смауга похищена именно у Гириона, поэтому я должен получить свое богатство обратно, /3/ Смауг уничтожил Озерный город, и множество людей осталось без крыши над головой; но эти люди помогли гномам на пути в Гору, и они заслуживают того, чтобы гномы вернули им долг, в особенности принимая во внимание тот факт, что дракон напал на город по вине гномов (хотя, точнее говоря, произошло это по вине Бильбо). На все эти соображения, в оригинале разбавленные тяжеловесными риторическими вопрошаниями, Торин отвечает в том же стиле, нарушая, правда, очередность. Пункт /1/ он игнорирует вообще, — возможно, просто из гордости; пункт /2/ отвергает на том основании, что Гирион умер и не может претендовать на свою долю сокровищ; пункт /3/ принимает только частично, что вполне в духе гномов: он предлагает честно оплатить затраты на их содержание в городе и на прочую помощь, однако отказывается возместить потери, связанные с нападением дракона, поскольку за нанесенные Смаугом разрушения сам Смауг и отвечает, но никак не он, Торин. Наконец, Торин заявляет, что под давлением вообще никаких переговоров вести не будет и сам задает риторический вопрос: “Мне хотелось бы спросить тебя, какую долю сокровищ отдал бы ты моим родственникам, обнаружив под Горой никем не охраняемые богатства, а нас — мертвыми?”

Тщательно соблюдаемый в этом разговоре “легализм”, подыскивание своим действиям законных обоснований заимствован напрямую из исландских саг. На память приходит герой “Саги о Храфнелле”, герой которой тщательно сравнивает размер компенсации, которую он должен выплатить за совершенные им убийства, с убытком от увечья (ему подрезали сухожилия на ногах) и убытками, понесенными за

период кровной вражды, требуя возместить ему даже естественный прирост скота со времени конфискации оногo, — и все это, естественно, на фоне этики беспощадного насилия. Видно, что этот этический и литературный стиль приковывал к себе внимание Толкина и зачаровывал его. Сценой спора между Бардом и Торинoм нам предлагается в некотором роде восхищаться; а когда позже на сцене появляются Даин и гномы из Железных Холмов, то их деревянная церемонность — “Зачем стоите вы лагерем в этой долине, словно противники, осаждающие крепость?” — производит куда более сильное впечатление, чем модернистский перевод рассказчика: “Вам здесь делать нечего! Мы все равно пройдем! Так что убирайтесь — или готовьтесь к бою!” Между этими двумя сценами вставлена еще одна, отмеченная целым рядом анахронизмов, причем здесь их плотность почти так же велика, как в главе первой: речь идет о сцене, в которой Бильбо передает Барду и королю эльфов драгоценный камень Аркенстон.

Бильбо оставался устойчив к героическому антуражу на протяжении всей книги. Когда Торин облачил его в мифриловые доспехи, у Бильбо возникло желание “посмотреться в зеркало”, однако он испугался, что “видок” у него окажется “самый нелепый”, особенно когда он представил себе, что сказали бы о нем соседи из-под Холма. Гордые речи Барда и Торина Бильбо слушает с отчаянием и досадой, и предпринимает собственные шаги, чтобы найти выход из “героического” тупика:

“Видите ли, господа, - начал Бильбо самым деловым тоном, - дела идут хуже некуда. Лично мне все это надоело. Мне давно пора домой, на Запад, - там народ еще не разучился внимать голосу разума! Но у меня в этом деле есть кое-какой личный интерес, а если быть точным - одна четырнадцатая часть прибыли, причитающаяся мне согласно договору, который я, к счастью, сохранил.

Из кармана потертого жилета, который хоббит носил поверх кольчуги, он извлек помятое, сложенное в несколько раз письмо Торина - то самое, что гномы оставили на каминной полке под часами еще в мае месяце!

— Одна четырнадцатая часть п р и б ы л и, подчеркиваю, господа, — продолжал хоббит - но лично я готов самым внимательным образом рассмотреть все ваши требования, более того — согласен вычестъ из общего дохода сумму, которая по справедливости причитается вам, и лишь после этого отсчитать свою долю” (с.273).

И сама эта речь, и тот, кто ее произносит, так разительно контрастируют с окружением, что дальше идти уже некуда. Поведение и облик Бильбо в высшей степени анахроничны, поскольку он носит куртку, полагается на письменный договор, тщательно разграничивает доход и прибыль и предлагает компромисс: по мнению хоббита притязания Барда следует называть требованием оплатить “непредвиденные расходы” (отсюда уже недалеко до современной терминологии, употребляемой при налоговых расчетах!). Там, где Бард и Торин используют язык архаики (“Приветствую тебя!”, “недрути”, “сокровище”, “родичи”, “погибель”), он использует язык современности: “выгода” (“*profit*”, до 1604 г. в английском языке этого слова не было, а после 1604 г. оно было зарегистрировано поначалу только в Абердине); слово “дедуцировать”, “*deduct*”, зафиксировано впервые в 1524 г., когда оно означало еще то же самое, что и слово “*subtract*” — “вычитать”; коммерческий смысл оно приобрело лишь много позже. Слово “*total*”, “общий доход”, не использовалось в данном смысле до 1557 г. “Интерес”, “притязание, требование” (“*claim*”), “дело” (“*affair*”), — все это не английские слова, а заимствования из латыни или французского; эти заимствования полностью прижились в английском только после Норманнского Завоевания. Будет справедливым сказать, что ни один персонаж эпоса или саги не мог бы даже помыслить о том, чтобы изъясняться языком Бильбо. Но в чем же сила этого последнего острого противопоставления Барда и Бильбо, “героя” и “бизнесмена”?

Это противостояние продолжает комедийную линию, которая так сильно выражена в “Хоббите”. Кроме того, оно приводит к чему-то, — если использовать собственный толкиновский термин, — вроде “эвкатастрофы” (53), которая происходит, когда господин Бэггинс (а вместе с ним и симпатизирующий ему читатель) обнаруживает, что эльфийский король и даже сам Гэндальф смотрят на Бильбо (а вместе с ним и на нас, с нашим современным кодексом скромности и компромисса) с благодарным изумлением.

Таким образом комедийной линией дело еще не исчерпывается, хотя Бильбо ни на миг не перестает быть забавным. Никто не должен думать, что в “Хоббите” совершается прямой переход от сатиры на современный мир к сатире на мир древний. Возможно, самое сильное в главе 16 и окружающих ее сценах — это вдохновенный призыв к терпимости, брошенный через бездонную пропасть между временами, разными отношениями к жизни и этическими стилями. По одну сторону находится Бильбо Бэггинс с его добродетелью “нравственного мужества” (*“moral courage”*); согласно словарю это готовность “претерпеть обструкцию, неодобрение или общее презрение, но не отойти от того, что данное лицо считает для себя верным” (впервые зафиксировано в 1822г.); противоположный этому достоинству недостаток — “недоверие к себе” (1789г., *“self-distrust”*). По другую сторону — Беорн, Торин, Даин, чьи достоинства можно описать только с помощью такого неанглийского существительного, как древнескандинавское *“drensharpr”*, означающего “великодушие”, “осознание себя воином” и, отсюда, “осознание своего воинского достоинства”; именно это качество выказывает Даин, подтверждая решение Торина о передаче Барду четырнадцатой части сокровища (сам Торин к этому времени уже мертв). Недостатком же этих персонажей является что-то вроде себялюбивого материализма. Ни одна из сторон не лучше другой и не имеет права критиковать другую. Контраст — в стилях, а не в противопоставлении добра и зла. Соответственно, по всему “Хоббиту” разбросаны сцены, в которых одна сторона выставляет напоказ смехотворность претензий, предъявляемых другой стороной. Например, Бильбо фыркает, слушая возвышенные речи Торина (с.24), Глоин резко обрывает Бильбо, который пытается вызвать к себе уважение, помяная своего предка Вольтинщика Тукка: “Вольтинщик давно умер, а я говорю о тебе!”, — а к концу оба языковых стиля становятся неуязвимыми для взаимной иронии:

“До свидания! - вымолвил наконец Балин. - Удачи тебе во всем! Если надумаешь навестить нас, когда наши чертоги вновь засияют прежней красотой, мы устроим в твою честь поистине королевский пир!

- Если вам когда-нибудь доведется проходить мимо моего дома, - сказал в ответ Бильбо, - заходите без стеснения! Чай в четыре, но я рад видеть вас в любое время!” (с.296)

Бильбо и Балин изъясняются в совершенно различных стилях. Тем не менее совершенно ясно, что смысл их слов один и тот же. От веры в “реальность языка” и “реальность истории” Толкин, возможно, начинал постепенно переходить к новой вере — “вере в реальность человеческой природы”.

Примечания :

^{*1} “Уравнителем” называли изобретенный Сэмюэлом Кольтом шестизарядный револьвер, названный в честь его создателя. — М.К.

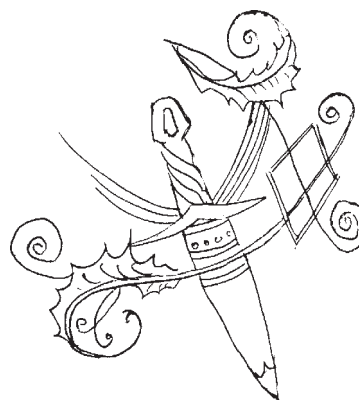
^{*2} О ранней литературе Севера Толкин сказал однажды, что ее “великим вкладом” в сокровищницу человечества явилась именно “теория мужества” (ЧиК, с.262). — Т.Ш.

^{*3} Английское *“bees”* плюс *“wolf”*. — М.К.

^{*4} Перевод наш — М.К.

^{*5} Дословно: “держат свое место”. — М.К.

& Шиппи употребляет здесь слово *“complacency”* — “самоуспокоенность”, поясняя, что ОСА относит появление этого слова к 1650г. — М.К.

Морок Смауга

Морок — понятие сложное и несущее в себе опасность. Пожалуй, единственное, что антропология XX века доказала с полной определенностью, — что люди отличаются друг от друга, и даже, казалось бы, исключительно естественные или инстинктивные человеческие проявления

бывают обычно так безнадежно запутаны в сетях местных обычаев, что выделить какие-то “общечеловеческие универсалии” оказывается невозможным. Ничто не говорит о том, чтобы Толкин уделял внимание современной антропологии, но ему это вряд ли и требовалось. Древние тексты предоставляли ему сколько угодно примеров того, что вещи, немислимые в древнюю эпоху, в наши дни кажутся подчас вполне естественными, и наоборот. Поведение людей тоже меняется, — это очевидно всем. Но разве не прячется под хитросплетениями разновременных обычаев что-то постоянное, неизменное? Что-то такое, что связывало бы современного англичанина с его англосаксонскими предками, — ведь, согласно свидетельству филологии, даже целое тысячелетие непрерывных языковых изменений не смогло уничтожить глубинной преемственности между древнеанглийским языком “Беовульфа” и языком сегодняшней Англии?

По-видимому, Толкин размышлял над этим вопросом в течение многих лет. В 1923г. он опубликовал в журнале “Грифон” (орган Йоркширского колледжа в Лидсе) стихотворение под названием “*Timonpa Gold Caldre Bewunden*” — первую версию того текста, который в 1970г. получил название “Сокровище”. Но первое название лучше. Оно переводится так: “золото древних людей, окутанное волшебством”. Собственно говоря, это название есть не что иное, как 3052-я строка “Беовульфа”^{*1}. В поэме эта строка связана с примечательным затруднением, перед которым оказывается читатель: как истолковать мотивы, которыми руководствовался главный герой, вступая в бой со “своим” драконом? Отправляясь на схватку, Беовульф руководствуется, по видимости, самыми благими побуждениями — хочет спасти свой народ от страшного ящера. С другой стороны, Беовульф выказывает немалый интерес и к драконьему сокровищу, в то время как дракон всего лишь отстаивает свои богатства: на разрушительный облет окрестностей его спроводил беглый слуга (“грабитель”), который случайно оказался в пещере, когда дракона не было на месте, и унес из пещеры драгоценную чашу. В поэме есть несколько строк (о которых много и горячо спорят), где поэт, по-видимому, сообщает, что на этом золоте будто бы лежало проклятие, смысл которого состоял в том, что всякий, ограбивший сокровищницу, “будет повинен греху, опутан дьявольскими страхованиями, связан адскими узами и мучим жестоко. Однако не бывало еще того допрежь, чтобы Беовульф с жадностью посмотрел на чужое золото, отмеченное проклятием”(54)^{*2}.

Есть ли вина на Беовульфе? Действительно ли он “положил глаз” на сокровище? Подпал он под действие драконьего проклятия или нет? По крайней мере одно неоспоримо — отбитое им в сражении сокровище в итоге приносит ему самому смерть, а народу, которым он управляет — бедствия. Может быть, это наказание за тень алчности, которая, как намекает поэт, на мгновение затемнила сердце Беовульфа? А может быть, “драконье проклятие” — это и есть алчность, возникающая в человеке, когда он видит перед собой груды сокровищ? Такое предположение высказывает Толкин в стихотворении 1923г., где последовательно, строфа за строфой, рассказывается о неких сокровищах, которые с течением времени переходят от эльфа к гному, от гнома к дракону и так далее. Эта цепочка заканчивается портретом одряхлевшего, жалкого, побежденного врагами короля; после его смерти золоту уготовано забвение. Так и со всеми персонажами стихотворения: вначале они молоды, веселы, храбры и полны жизни, в конце — немощны, богаты и скупы. Причина этой деградации — золото. Можно ли уподобить путь, пройденный

этими персонажами, тому пути, который прошло человечество, начинавшее с “героики”, а кончившее “коммерциализмом”, “материализмом” и “индустриализмом”, то есть целым рядом однозначно современных понятий, которые, может быть, и не относятся напрямую к золоту и сокровищам, то по крайней мере имеют в виду то “идолопоклонство артефакту”, которое К.С. Льюис называл, в явном единомыслии с Толкином, “великим всеобщим грехом современной цивилизации” (55). Если хорошенько подумать, напрашивается еще и другая мысль: если молодой герой, вспыхнувший некогда страстью к сокровищам, превращается в итоге в старую развалину, то и у “великого всеобщего греха современной цивилизации” тоже должен где-то в древности иметься “молодой” прототип. По-видимому, заканчивая “Хоббита”, Толкин много размышлял об этой греховной преемственности между древностью и современностью.

В последних главах “Хоббита” бал правит жадность. Менее всего заражен ею эльфийский король: он любит артефакты, любит изделия искусных мастеров, но не за дороговизну, а за красоту, и в итоге вполне удовлетворяется изумрудами Гириона. Бард несколько более современен, но его поведение тоже можно оправдать, поскольку его мотивы носят конструктивный характер. Относительно неуязвим и Бильбо, предпочитающий вульгарному “богачеству” обычную “зажиточность”. А вот гномы питают к драконьему сокровищу чувства по-настоящему сильные, причем особенно волнует их “бледное зачарованное золото” — *“gold galdre bewunden”*; они накладывают “великое множество заклятий” даже на сокровище троллей — просто так, на всякий случай. Стоит же гномам оказаться в непосредственной близости к драконьему сокровищу, как на них самих начинает действовать то заклятие, которое защищает сокровища Смауга. Гномы ничтоже сумняшеся посылают Бильбо в туннель навстречу опасности; они склонны преждевременно праздновать победу над драконом; первая же встреча с сокровищем приводит их в такое состояние, что хоббиту приходится их оттаскивать, причем “при этом не обошлось... без тоскливых взглядов через плечо”. В конце Торин ведет себя как одержимый злыми духами, упорно отказываясь чем бы то ни было поделиться с Бардом, эльфами и озерными людьми. Когда Бильбо, украв Аркенстон, вынуждает Тораина к уступкам, последний чуть было не нарушает собственного слова, что для гномов совсем не характерно. “Он пребывал в неодолимой власти ^{*3} сокровищ: даже в эту минуту Торин надеялся, что с помощью Даина ему удастся отбить Аркенстон, не заплатив за него обещанного выкупа”. *“Bewilderment”* — “морок” — слово, очень подходящее к случаю. В современном английском речевом обиходе оно означает “путаница в мыслях” ^{*4}. Это слово очень подходит для описания того состояния ума, в котором пребывал в тот момент Торин. Он понятия не имеет, каким образом достичь цели и в чем эта цель, собственно, состоит; он знает только одно — что расстаться с сокровищами он не намерен ни при каких обстоятельствах. Торин “заблудился в пустыне” (*“is lost in the wild”*), “заморожен”, “объят мороком”. Однако “современный”, переносный смысл этой фразы имеет лишь второстепенное значение по отношению к буквальному, поскольку прежде всего эта фраза должна пониматься буквально: Торин находится в самом сердце Драконьей Пустоши и купается в золоте, но при этом у него почти нет съестных припасов, и на что он рассчитывает — непонятно. Ему грозит реальная опасность окончательно подпасть “под власть морока”, как это произошло с Магистром Озерного Города, который, прихватив долю богатства, которая причиталась городу, пустился в бега и в результате “умер с голоду на Пустоши”. Но у слова *“bewilderment”* имеется в этом контексте еще и третий смысл: это слово напоминает нам о видимом, осязаемом могуществе, которое таится в сокровище, о той силе, что заставляет гномов без конца перебирать драгоценности. Одно из значений английского слова *“bewilderment”*, согласно ОСА — это “запутанное или лабиринтоподобное состояние объектов”, к чему прилагается цитата, датированная 1884г.: “Что за хаос (*“bewilderment”*) света и цвета бросился ей в глаза!” Если представить себе тусклое поблескивание золота, искры драгоценностей и, “в красноватом свете, алые отблески серебра”, — а именно такое зрелище предстало Бильбо, когда тот впервые взглянул на сокровище, — то слово кажется вполне подходящим. “Хаос” и “морок”, овладевшие Торином, действуют одновременно и на физическом, и на умственном, и на нравственном планах. “Драконья болезнь”, которую “подхватывают” Торин и Магистр Озерного Города — одновременно и магического, и нравственного происхождения. В основе легенды о “драконьей

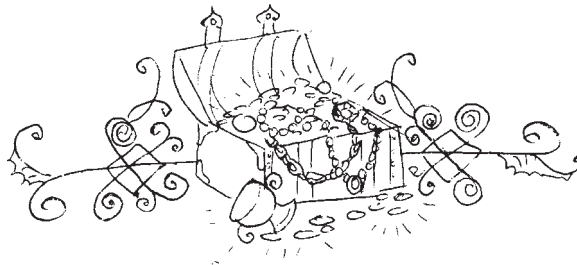
болезни” лежит древнее суеверие, согласно которому драконы, собственно говоря, достойны всяческой жалости, поскольку, обуянные жадностью и отчаянием, они добровольно заточают себя в стенах собственной пещеры только ради того, чтобы в свое удовольствие “возлежать на золоте”, как говорится в сагах. Естественно, золото, рядом с которым они проводят столько времени (см. “Хоббит”, с.266: “Бильбо явно недооценил власти золота, на котором дракон пролежал много веков”), уже и само источает миазмы алчности. Однако нельзя отделаться от ощущения, что нужный эффект достигается только тогда, когда внешняя сила встречается с внутренней слабостью. Это ощущение становится особенно сильным, когда речь идет о гномах с их пылкой любовью к творениям собственных рук, или о Магистре, который думает только о “торговле и пошлинах, товарах и золоте”, презирает старые песни и, когда он произносит речь (с.253), она оказывается отмечена явной печатью современности, или, точнее, эпохи, наступившей после индустриальной революции. За историческими изменениями кроется сложный и многоскладчатый веер мотивов. Здесь полезно вспомнить сцену в конце романа Курта Воннегута “Механическое пианино”(1952г.), где борцы с автоматизированным государством, едва добившись первой победы, сами как одержимые бросаются возиться с машинами. Обе книги, “Хоббит” и “Механическое пианино”, говорят об одном и том же, и говорят довольно жестко: вещи, точнее — именно металлические вещи, обычно хороши как игрушки, для забавы, но удержать контроль над этими “игрушками” очень трудно, хотя поняли это люди только в двадцатом столетии. Отсюда “преемственность жадности”, которая тянется от эльфийского короля к Магистру Озерного Города. Именно поэтому начиная с 1923г. Толкин начал размышлять над словом *“galdor”*. Помимо значений “заклятие” и “наваждение”, оно имеет также значение “поэзия”; можно сказать, что “зачарованность” сокровища — это что-то вроде “злого” эквивалента “доброй чары” — *“glamour”*.

Однако в этой цепи есть еще одно звено, с которого, собственно, вся цепь и начинается: это — дракон Смауг. Его имя представляет собой еще одно “реконструированное” слово: это форма прошедшего времени, **staug*, от германского глагола **smugan* — “протискиваться в нору”, как объяснил Толкин в интервью “Обзерверу” (20 февраля 1938г.). Кроме того, это — древнескандинавский эквивалент древнеанглийского слова, которое было частью древнеанглийского заклинания *“wīð smeogan wuhte”* — “от червя проникающего”. Но у этого слова есть и другое значение — более абстрактное: древнеанглийское *“smaugan”* означает также “вникать”, а в форме прилагательного оно получало значение “искушенный, искусный”. Так что вполне естественно, что Смауг, по сравнению с остальными персонажами “Хоббита”, наиболее хитроумен.

Разговор Бильбо и Смауга поистине блистателен. Как и многое в книге, этот разговор опирается на эддический “образец” — на песнь “Речи Фафнира”. Умирая от раны, которую нанес ему Сигурд, дракон Фафнир успевает побеседовать со своим убийцей. Как и Бильбо, Сигурд отказывается сообщить дракону свое имя и отделяется загадками (опасаясь, как бы дракон его не проклял). Как и Смауг, Фафнир пытается посеять раздор между своим собеседником и его товарищами. Между прочим, дракон говорит, что золото всегда пробуждает в человеке жадность. Два сюжета существенно расходятся только тогда, когда Сигурд съедает драконье сердце. Благодаря этому он начинает понимать язык птиц (еще один важный для “Хоббита” мотив). И все же в “Речах Фафнира” Толкину было почти нечем поживиться. Беседа Фафнира и Сигурда сводится к простому обмену информацией; в ней, как сказал Толкин о “Беовульфе”, слишком много *“draconitas”* и маловато *“draco”*(56), слишком мало “реального ящера с его животной жизнью и собственным специфическим разумом”(57). Толкин поставил перед собой задачу исправить это упущение и сделал это, опять-таки, с помощью анахронизмов.

Самое примечательное в Смауге — это его странная, витиеватая манера говорить. Собственно говоря, эта манера очень напоминает агрессивно-вежливую изысканность, характерную для представителей британского “высшего общества”. Об этом говорят, например, раздраженность и авторитетный тон в голосе Смауга вместо гораздо более уместной в данном случае формальной вежливости и некоторой неуверенности. “Для вора и лжеца у тебя слишком хорошие манеры”, — с такими словами обращается дракон к Бильбо при первой их встрече (иронизирует он или нет, точно неизвестно). “...Оказывается, ты

знаешь мое имя, зато я вот не припоминаю твоего запаха! Можно ли спросить, кто ты и откуда сюда явился?” В таком тоне мог бы говорить какой-нибудь полковник-аристократ, с которым в вагоне железной дороги неожиданно завел беседу безвестный попутчик: простите, ведь мы, кажется, не представлены? В то же время не дает о себе забыть и “звериная” природа

ящера — она проявляет себя в драконьей похвальбе: “Кому как не мне знать запах и вкус гномов!” Проявляется его звериная суть и в том, как он, желая показать Бильбо свое бронированное брюхо, перекатывается с живота на бок, подобно гигантскому спаниелю, очень собой довольный, “что с его стороны было уже просто глупо”. В процессе чтения то и дело натыкаешься на живейшие парадоксы, каких древний мир, ни слухом, ни духом не ведавший о научном рационализме, породить не мог бы: например, у Смауга есть крылья, но есть и реальная тяжесть, — об этом нам напоминает, когда дракон покидает логово: он “бесшумно взмыл в воздух и полетел по ветру во тьму, тяжело и медленно, словно чудовищная ворона”^{*5}. В холодном чреве этой рептилии таится огонь, который посверкивает у дракона из-под век, когда тот притворяется спящим, и вспыхивает у него в глазах “подобно алой молнии”, когда он забавляется или чем-то заинтересован. Парадоксы, переходы от животного начала к разумному, контраст между скрипуче-церемонной вежливостью в речах Смауга и немудрящей радостью, которую он получает, убивая, — все это придает характеру Смауга какие-то особенные злобность и “порочность”. Эта “порочность” и есть главная характеристика дракона. Автор, пользуясь современным языком, говорит о ней так: “...Смауг просто подавил его /Бильбо/ своей личностью”.

Все это придает правдоподобия тем сведениям о драконах вообще, которыми нас то и дело потчует рассказчик, — например: “Именно такое действие и оказывают разговоры с драконами”, — т.е. таковы вообще “драконьи чары”, под действием которых хоббита “...охватывало безотчетное желание выйти из туннеля, снять кольцо и выложить все начистоту”. Ни в одном из древних текстов подобного мотива нет, но по мере того как Смауг доверительно вливает яд в уши Бильбо (“...я дам тебе один добрый совет... наверное, тебе хорошо заплатили за вчерашнюю чашу... На них это похоже... А ты никогда не задумывался над тем, что... А прикинул ли ты, стоит ли игра свеч?..”) — он выставляет себя все более и более “опытным” и “бывалым”, и неудивительно, что Бильбо, сам того не желая, незаметно оказывается у противоположного полюса, где размещаются “молодость и неопытность”. В результате дракон оказывает на Бильбо воздействие одновременно магическое и нравственное (не то “чара”, не то “подавляющее влияние сильной личности”), что заставляет нас вспомнить о “драконьей болезни”, которую Смауг и его сокровища, по-видимому, генерируют совместно, — как непосредственно, так и с помощью магии. Характер Смауга составляет неотъемлемую часть “*Zusammenhang*’а”, общей взаимозависимости: нет ничего более архаического или фантастического, чем возлежащий на золоте дракон, но речи этого дракона звучат так знакомо, что мы без труда отыскиваем для него место в общем “хороводе жадности”, и возникает вероятность, пусть смутная, что мотивы, которыми руководствуется дракон, могут, на свой особенный лад, быть в чем-то сродни человеческим; не исключено, что эти мотивы действовали и в истории человечества.

На следующем этапе “Хоббит” неожиданно предстает романом “*a these*”^{*6}, даже аллегорией, где Бильбо Бэггинс, в роли Современного Человека, пускается в свой “Путь Пилигрима” (58) (или “Путь Пилигрима; туда и обратно”), цель которого — Страна Фантазия; и вот оказывается, что весь путь он проделал только ради того, чтобы найти в самом сердце мира чудовищ не что иное, как воплощение худших сторон своей собственной природы, воплощение жадности или, может быть, даже воплощение самого Капитализма, который сидит на своем золоте как свирепая мисс Хэвишем (59). Мораль была бы

при этом такой — дескать, от “буржуа” всегда один шаг до грабителя, или что-нибудь в том же роде. Однако хотя “Хоббит” и не претендует на аллегоричность, все же ближе к нем нет-нет да и проглянет тот “символизм в широком смысле слова”, который Толкин усматривал в “Беовульфе” и который более широко и отчетливо представлен во “Властелине Колец”. В последней сцене “Хоббита”, в беседе Гэндальфа, Бильбо и Балина, автор позволяет волшебнику немного проговориться: Гэндальф замечает, что метафоры могут “на свой лад” содержать в себе истину, что вымысел и реальность отличаются не по глубинной сути, а по способу представления (выражения) этой сути(60). Логика его слов в том, что если реальность, воспетая в старых песнях, могла содержать в себе нечто столь прозаическое, как хоббит Бильбо Бэггинс, то, может быть, и прозаические события сегодняшнего дня найдут себе когда-нибудь место в песнях. Отсюда вывод: человеческая — или гномо-хоббито-человеческая — природа не лишена ни реальности, ни внутренней непротиворечивости.

Но дальше намек дело не идет, и можно легко понять, почему. Когда читаешь “Хоббита”, постепенно возникает стойкое впечатление, что Толкин в работе над текстом исходил не из идей, а из слов и имен, из совпадений и противоречий народных сказок, из таких частностей, как неудовлетворенность “Речами Фафнира”, породившая Смауга, из размышлений о состязании в загадках из “Речей Вафтруднира”(61) или “Саги о короле Хейдреке” (эти размышления привели, неизвестным нам путем, к созданию Голлума). Я не могу не предположить, что в то время для Толкина самыми важными для его творчества должны были казаться два похожих между собой отрывка из “Беовульфа” и “Сэра Гавейна”: в обоих отрывках авторы как бы намекают на то, что за пределами повествования остаются еще целые миры, о которых им попросту недосуг поведать. Древнеанглийский поэт ссылается на “далекие путешествия”, которые совершал Зигмунд-драконоубийца, на “злые дела и битвы, о которых дети человеческие (возможно, в отличие от потомков чудовищ — Т.Ш.) никогда ничего толком не знали”. Его средневековый последователь, автор поэмы “Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь”, шесть столетий спустя замечает, что сэр Гавейн никогда не добрался бы и до начала своего Приключения, “не будь он крепок, как сталь, неутомим и стоек в вере”, — так часто приходилось ему сталкиваться на своем пути с ящерами, волками, лесными троллями и “ограми, которые преследовали его, сойдя с высоких пустошей”. Вполне в этом духе, сообщается нам, было и обратное путешествие Бильбо: “много трудностей пришлось ему преодолеть и пережить много приключений, прежде чем он добрался до дома”, поскольку “Дикие Земли — они и есть Дикие Земли; в те дни, помимо гоблинов, там водились и другие опасные твари”. Некоторые из этих опасностей читатель краем глаза уже приметил — неизвестно чьи “глаза в темноте”, звери, чьи уши “при известии о гибели Смауга вставали торчком”... Но сюжет “Хоббита” — это по самой сути своей рассказ о прохождении через разные “мрачные и опасные места”, причем эпизоды с Голлумом, волками, Беорном и пауками связаны между собой не больше, чем связаны между собой сами эти персонажи. По-настоящему кончается “Хоббит” не сценой хаоса и разгрома его собственной норе^{*7}, а сценой, в которой, незадолго перед возвращением домой, Бильбо с сожалением прощается с Дикими Землями, а архаический Тукк снова уступает место “эдвардианскому”(63) Бэггинсу.

“И вот, проделав долгий путь, Бильбо и Гэндальф добрались до того самого места, где они попали когда-то в лапы гоблинам. Но на этот раз они оказались тут не ночью, а утром и, посмотрев назад, увидели внизу широкую равнину, освещенную ясным утренним солнцем. За равниной раскинулось Чернолесье, отливавшее на расстоянии голубизной, а на опушке темной зеленью: даже весна не смогла высветлить чернолесской листвы! А еще дальше, на краю окоема, маячила Одинокая Гора. На ее вершине смутно белел еще не растаявший снег .

— Вот так! На смену огню приходит снег, и даже драконы не вечны! — промолвил Бильбо и повернулся спиной к своему Приключению” (с.298).

В Средьземелье Приключение несет в себе современный смысл, но существует не для того, чтобы проповедовать современные ценности. Если мир реальный и мир вымышленный как-то связаны, то

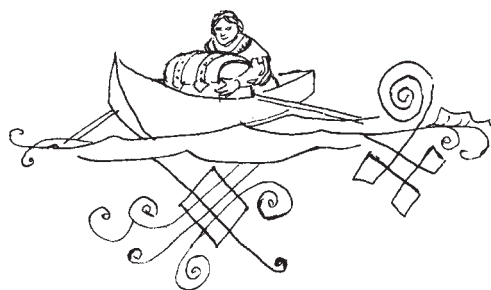
существует эта связь благодаря тому, что Малое Творение следует тем же законам, по которым построено Большое Творение — Первичное Искусство самое Истины.

Примечания:

^{*1} В русском переводе В.Тихомирова “златосокровище,/ крепко зачатое”. — М.К.

^{*2} В пер. В.Тихомирова:

Тот клад до скончания
веков зачатем
таким заречен,
что станет смертный,
в грехах погрязнув,
молиться идолам
и, в цепи ада
попав, загибает
себя пороками
еще допрежде,
чем ступит на это
место проклятое,
раньше, чем взглянет
на это золото!”

Налицо несколько другая трактовка второй части отрывка.

— М.К.

^{*3} В оригинале “неодолимая власть” — “*bewilderment*”; другие возможные переводы этого слова — “морок”, “наваждение”, “чара” и т.д. — М.К.

^{*4} Ср. русское “замороженность” — М.К.

^{*5} В оригинале вместо “полетел” (“*flew*”) значится “*floated*” — “поплыл”. Шиппи выделяет это слово курсивом. — М.К.

^{*6} То есть, дидактическим (франц.) — М.К.

^{*7} Я подозреваю, что даже у этой сцены имеются филологические корни. В 1928г. Толкин написал предисловие к “Глоссарию Хаддерсфилдского диалекта” У.Э.Хэя, выше уже упоминавшемуся в связи со словом “*bagging*”. В этом предисловии Толкин говорит, что очень важно пронаблюдать за теми изменениями смысла, которые происходят, когда слова “ученого” происхождения усваиваются каким-либо диалектом и поступают в его постоянное распоряжение (см. *koensil, okshen, insens*)(62). “*Okshen*” в Хаддерсфилдском диалекте означает не “аукцион”, а “столпотворение”, или “хлев” в смысле “грязное помещение”. “*Shu`z nout but e slut; er eos ez feor okshen*”, — цитирует Хэй. Для тех, кто не понимает этого диалекта, привожу приблизительный перевод: “Она жуткая неряха: у нее не дом, а настоящий хлев”. Когда Бильбо возвращается домой, он обнаруживает, что в его норе устроили одновременно и аукцион, и столпотворение, и “хлев”, то есть “*feor okshen*” во всех смыслах этого слова. “Гг.Грубб, Грубб и Рытвинг” продают вещи Бильбо с аукциона, и при этом некоторые посетители, заходя в дом, даже не вытирают ног о коврик! Итак, слово “*okshen*” послужило автору “точкой кристаллизации” для описания чувств выведенного из себя собственника, — в данном случае Бильбо. — Т.Ш.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...

Битва Феанора и Балрогов

Окончание. Начало в №28

Словарь Адуунаика

Долгие гласные обозначены при помощи циркумфлекса (^), в отличие от “Отчета Лаудхэма”, где использовался макрон. Диграфы th, ph, kh обозначают спиранты (th - как в английском think, ph = f, kh - немецкий ach-Laut), тогда как tth и kkh - это аспираты (t + th, k + kh), pph = p + f (см. SD:419).

-a - окончание субъектной формы мн.ч. существительных ср.р. (SD:430).

abâr - сила, выносливость, верность (SD:431). Очевидно, связано с bâr - повелитель, властелин.

-ad, -ada - к, по направлению к (предложные аффиксы) (SD:429). Ср. Avalôiyada, akhâsada.

Adrahîl - мужское имя (PM:439).

adûn - запад, на запад, к западу (SD:247, 435).

Adûnâim - нуменорцы (Númenóreans), или, возможно, дунаданы (Dúnedain) (SD:426).

agân - смерть, ср.р., персонифицированное Agân - Смерть, м.р. (SD:426).

Agathurush - *”Болотистая земля Тени” = Gwathló на Синдарине (UT:263).

Aglahad - мужское имя (PM:440).

AK(A)IAB(A), (A)KALBA - очевидно, модификации KALAB (SD:418).

Akallabêth - “Она-что-пала” (SD:312), затонувший Нуменор (также hi-Akallabêth).

akhâsada - “в разлом” (SD:247). Включает частицу -ada, отсюда, возможно, *akhâs - разлом, пропасть.

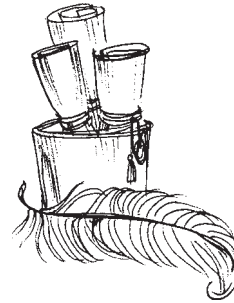

Alkarondas - “Замок моря”, корабль Ар-Фаразона (PM:156, в SD:385 Alcarondas). Видимо, было заменено словом Aglarrâma того же значения. Иногда слово Alcarondas рассматривают как Квеньское, перевод с Адуунаика названия Aglarrâma.

Amatthâni - “Земля Амана”, ассимилированное Amân-thâni (SD:435).

ammî, ammê - мать (SD:434).

an - префикс прилагательного со значением родительного падежа, часто сокращался до ‘n (SD:435): Narîka ‘nBârî ‘nAdûn - “Орлы Повелителей Запада” (SD:251), thâni anAmân, thâni n’Amân - “Земля Амана” (SD:435, также Amatthâni).

-an - окончание субъектной формы существительных о.р. (также -n, SD:430).

anâ - человек, человеческое существо (SD:426, 434, 437); м.р. anû - мужчина, самец, ж.р. anî - женщина, самка (SD:434) (более специальные слова, чем nagi - мужчина, kalî - женщина).

Anadûnê - Западная земля, Нуменор (SD:247, 426).

anadûni - западный (SD:426, 435).

Ar-Abattarîk - Тар-Ардамин (Tar-Ardamin, UT:222). Возможно, в Адуунаике *Abatta соответствует Квеньскому Arda?

Ar-Adûnakhôr - Тар-Херунумен (Tar-Herunûmen), Повелитель Запада (UT:222).

Ar-Balkumagân - Тар-Кириатан (Tar-Ciryatan), *”Король-Корабел” (PM:151). Интересно, что это имя содержит объектную форму от *balak (“корабль”), то есть, оно должно означать “строитель (конкретного) корабля”, поскольку у объектной формы нет мн.ч. Тар-Кириатан “построил великий флот королевских кораблей” (UT:221), а не один. Ср. с Gimilnitir - Gimlunîfir. Хотя мы знаем и другой пример существительного мн.ч. (или, по крайней мере, неисчислимого) в объектной форме - Nimruzîr. Возможно, Толкин отверг идею о том, что существительные в объектной форме не изменялись по числам?

Ar-Belzagar - Тар-Калмакил (Tar-Calmacil, UT:222). Квеньское имя, видимо, включает в себя слово macil - “меч”. Возможно, на Адуунаике “меч” - *zagar? (В любом случае, этот элемент связан с глаголом azgarâ - “вести войну”). Менее вероятно, что Квеньское имя содержит слово calma - “фонарь” (соответственно, *bel или *belza на Адуунаике).

Ar-Gimilzôr - Тар-Телемнар (Tar-Telemnar, UT:223). Telemnar может означать *”серебряное пламя”, но имя на Адуунаике, видимо, содержит слово gimil - “звезды”.

Ar-Inziladûn - Тар-Палантир (Tar-Palantir, UT:223). Квеньское имя означает “дальновидный, прозорливый”, но Inziladûn в Адуунаике имеет значение “Цветок Запада” (UT:227).

Arminalêth - название города, Armenelos на Квенья (PM:145).

Ar-Pharazôn - “Король Фаразон”, Тар-Калион (Tar-Calion, SD:435). От pharaz - золото. Субъектная

форма Ar-Pharazōnun (SD:247). Ar-Pharazōn kathuphazgānun - “Король Фаразон Завоеватель” (SD:429).

Ar-Sakalthōr - Тар-Фалассион (Tar-Falassion, UT:223). Квенийское имя, видимо, содержит слово falassē - “берег”. Возможно, “берег” на Адуунаике - *sakal?

Ar-Zimraphel - Тар-Мириэль (Tar-Míriel, UT:224), см. Zimraphel.

Ar-Zimrathōn - Тар-Хостамир (Tar-Hostamir, UT:223). Квенийское имя содержит mir (mírë) “драгоценный камень” = *zimra на Адуунаике; ср. с Zimraphel = Míriel.

Âru - Король (SD:429).

-at - окончание двойственного числа (SD:429).

attû, attô - отец (SD:434).

Avalê - богиня, Валиа (SD:428).

Avalôî - Валар, Силы (SD:305). Субъектная форма мн.ч. - Avalôim (SD:241); Avalôiyada - “против Валар” (SD:247), содержит суффикс -ada.

Avallôni - *Avallónë (SD:241, 305).

Avradî - Варда (Varda, SD:428).

ayadda - шел (SD:247).

azaggara - воевал, очевидно, от azgarâ- (SD:247, 439).

azar - звезда (согласно РМ:372), но в “Отчете Лаудхэма” говорится, что на Адуунаике “звезда” - gimli, а azra (в SD:431 azar) означает “море”.

azgarâ - вести войну (SD:439), ср. с azaggara и Ar-Belzagar.

azra - море (SD:431). Объектная форма - azru- в Azrubêl; субъектная форма мн.ч. - azrîya (SD:247); также в azra-zâin - “морские земли” (SD:435).

Azrubêl - “Любящий море”, Eärendil на Квенья (SD:429, 305).

azûlada - на восток, к востоку (SD:247), содержит суффикс -ada.

bâ - нет, не делай (SD:250).

*balak - корабль (мн.ч. balik), объектная форма - balku- в Ar-Balkumagân. Ср. с huzun - “ухо”, мн.ч. - huzîn, объектная форма - huznu (SD:430).

balik - корабли (SD:247). Ед.ч. - *balak?

banâth - жена (SD:437).

Bâr - Повелитель, Властелин (SD:428, 438). Субъектная форма - bârun (SD:429); Barîm an-Adûn - “Повелители Запада”, Валар (SD:247). Здесь субъектная форма мн.ч. - barîm, в SD:438 - bârîm (вероятно, более правильно).

batân - путь, мн.ч. - batîna (SD:247, 431; см. прим.16 в SD:435).

*bawâb - ветер (см. bawîba).

bawîba - ветры, субъектная форма мн.ч. (SD:247). Ед.ч. - *bawâb? (Ср. с batân - “путь”, мн.ч. batîna).

bêth - выражение, высказывание, слово; в составных словах, например, в izindu-bêth, имеет значение источника действия - “говорящий” (SD:427).

BITH - говорить (SD:416).

burôda - тяжелый (SD:247).

dâira - Земля (SD:247).

dâur - тьма, мрак (ранее *daw'r, SD:423).

DAWAR - *тьма (см. dâur).

dolgu - ночь (с оттенком зла, в отличие от lômi, SD:306).

dubdam - пали (SD:247).

dulgi - черные (SD:247). Очевидно, от той же основы, что и dolgu - “ночь”.

du-phursâ - чтобы пасть (SD:247).

êphalak - далекий; êphal êphalak - очень далекий (SD:247).

Êru - Один, Единый, Эру (Êru на Квенья); Êruvô - “от Эру” (SD:248, 249); Êruhînim - “дети Эру”, Êruhîni на Квенья (SD:247, 249).

gimil - звезды, собирательное существительное, относящееся к звездному небу вообще (SD:427). Gimilnitir - “Зажигающая звезды”, титул Варды, Elentâri на Квенья (SD:428). Gimlu-nitir - “зажигающая (конкретную) звезду”, неправильный перевод Elentâri, иллюстрирующий тот факт, что объектная форма не имеет мн.ч. (SD:428, см. выше).

Gimilkhâd - мужское имя, видимо, содержит gimil - “звезды” (UT:223).

gimli - звезда, мн.ч. gimli (SD:427, 431).

hazad - семь (SD:247, в SD:427, 428 - hazid). Возможна связь с Кхуздульским Khazâd - “Гномы”, поскольку гномы были разделены на семь домов.

hi-Akallabêth - “Она-что-пала”, Нуменор (SD:247).

hikallaba - она пала (SD:247).

huzun - ухо, дв.ч. huznat - пара ушей (SD:428, 430, см. также прим.15 в SD:435).

ĭbal - мужское имя (UT:194).

idô - сейчас, idôn перед словами, начинающимися с гласного (SD:247).

igmil - фигура в форме звезды, мн.ч. igmîl (SD:427).

-im - окончание субъектной формы мн.ч. существительных всех родов, кроме ср.р. (SD:430). В Adûnâim, Avalôim.

Imrahil - мужское имя (UT:246).

Imrazôr - мужское имя (UT:447).

-in - окончание субъектной формы слабых существительных ж.р. (SD:430).

Indilzar - Элрос (Elros, PM:164).

inzil - цветок в Inziladûn - “Цветок Запада” (UT:227), Rothinzil - “Пенный цветок”, также в женском имени Inzilbêth (“Говорящий цветок”?).

izindi - прямой (SD:247).

izindu-bêth - говорящий правду, пророк (SD:427).

izrê (< izrêi < izrêyi) - возлюбленный, любимый (SD:424, 438). От основы ZIR.

?IR - один, единственный, одинокий (? - глоттальный взрывной согласный, SD:432).

kadar - город; kadar-lâi - городские люди (SD:435).

kadô - и так (SD:247).

KALAB - падать (SD:416).

kali - женщина (SD:434).

kallaba - пал, от KALAB (SD:429).

kan - держать (SD:439).

karab - лошадь, мн.ч. karîb (SD:434), м.р. karbû - жеребец (SD:434, 435), ж.р. karbî - кобыла (SD:434).

kātha - все (SD:247).

kathuphazgân - завоеватель, субъектная форма kathuphazgânun (SD:429). Видимо, содержит объектную форму от kātha - все (или от слова, с ним связанного). Возможно, “завоеватель” понимался как “тот, кто покорил всех/все”? К сожалению, конечный элемент *phazgân невозможно перевести. Он может обозначать источник действия, поскольку содержит то же окончание -ân, что и [Ar-]Balkumagân - *”[Король-]Корабел”).

khâu, khô - ворон, мн.ч. kwâwi(m), khôi (SD:426).

khibil - весна (SD:430).

kitabdahê! - трогай меня! (из фразы bâ kitabdahê - “не трогай меня!”), (SD:250). Возможно, от основы *TABAD - “трогать” в форме -tabda- с местоименными аффиксами *ki- (“ты”) и *-hê (“меня”)?

kulub - корни, овощи, зелень, корнеплоды (SD:431), собирательное существительное. Мн.ч. kulbî - определенное количество овощей, зелени, корнеплодов, корней растений (SD:424).

lôkhî - искривленные (SD:247).

lômi - ночь (SD:414), без оттенка зла (SD:306) - в отличие от dolgi.

-mâ - с (SD:429).

*magân - плотник в Ar-Balkumagân - “Король-Корабел”, “Король - Корабельный плотник”.

manô - дух (из *manaw-, *manau), мн.ч. manôi (SD:424, 438).

mik - маленький мальчик (SD:427).

minal - небо, небеса (SD:414). Объектная форма minul в названии горы Minul-Târik - “Опора небес”, Meneltarma на Квенья (SD:429, 241). Minal-târik значило бы “Небесная опора” (SD:429). Ср. также с Minal-zidar - “парить в небесах” (SD:200, в SD:241 minil вместо minal).

mîth - маленькая девочка (SD:427, 437, 438).

miyât - близнецы (младенцы) (SD:427).

MIYI - маленький (SD:427).

-n - окончание субъектной формы существительных о.р. (также -an, SD:430).

nadroth - “задний след”, след корабля; возможно, nad - задний? (PM:376)

NAKH - подойти, прийти (SD:416). Ср. с unakkha.

nâlo - тень в aḡannâlo.

*narâk - орел? Мн.ч. narîka; ср. с batân - путь, мн.ч. batîna.

nardu - солдат (SD:438).

narîka - Орлы (ед.ч., возможно, *narāk). Narîka ‘nBâri ‘nAdûn - “Орлы Повелителей Запада” (SD:251).

narû - мужчина (SD:434, 437), альтернативная форма narû.

nênud - на нас (SD:247).

nîlo - луна, ср.р., персонифицированное Nîlû - Луна, м.р (SD:426, 431).

NIMIR - сиять (SD:416).

nîmîr - Эльф (SD:436). Нормальная форма мн.ч. Nîmîr, объектная форма nîmru- в Nimruzîr. Ср. также с WJ:386: “Дунаданы называли Эльфов Nîmîr (Прекрасные)”.

Nimriyê - Эльфийский язык, Квенья (SD:414).

Nimruzîr - Элендил (Elendil), “Любящий Эльфов” (SD:247). Удивляет использование объектной формы nîmru-: поскольку объектная форма не имеет мн.ч., Nimruzîr должно означать “Любящий (конкретного) Эльфа”, а не “Любящий Эльфов вообще”. Ср. с Gimilnîr - Gimlu-nîr.

Nimruzîrim - “Друзья Эльфов” (PM:151), субъектная форма мн.ч. от Nimruzîr.

nîph - дурак (SD:426), также nûph (SD:437).

nîthil - девочка, девушка (SD:427, 436).

nîfîr - зажигающий, зажигатель в Gimilnîr.

nûlu - ночь, с оттенком зла (SD:306).

nûph - дурак (SD:437), также nîph (SD:426).

nuphâr - родитель, дв.ч. nuphrât - “отец и мать” как пара (SD:434).

-ô - из, от, предложный аффикс в Êruvô.

obroth - “перед-след”, бурление воды у носа корабля (PM:376). Отсюда, возможно, ob - “перед”. (PM:376).

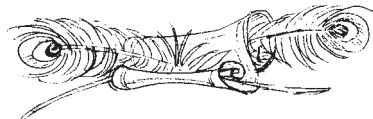
pâ - рука (< *pa3a), мн.ч. pâi (SD:416, 426).

pharaz - золото (SD:426, приложение E к LotR). Ср. с Ar-Pharazôn.

phazân - принц, сын короля (SD:436).

pûh - дыхание, вздох (SD:426, 431).

raba - собака, м.р. rabô - кобель, ж.р. rabê - сука (SD:434, 437).

roth - след в nadroth, obroth (от основы RUTH). Слово roth также использовалось для обозначения следов на воде от кораблей и, следовательно, могло иметь значение “пена” (PM:376); ср. с Rothinzil.

Rôthinzil - “Пенный цветок”, корабль Эарендила, Vingilot на Квенья (SD:360). См. inzil. В PM и в первых абзацах “Акаллабет” записано как Rothinzil (например, PM:370).

rûkh - крик (SD:426).

RUTH - царапать, бороздить. Основа, от которой образовывались слова, означающие плуг и пахоту, но “в применении к кораблям означала следы на воде” (PM:376). См. roth, nadroth, obroth.

SAPHAD - понимать (SD:416). См. usaphda.

saibêth - согласие; saibêth-mâ - с согласия (SD:247).

sapthân (р часто произносилось как f) - мудрец, чародей (SD:421).

satta - два (SD:428).

sûla - труба (SD:419).

sulum - мачта (SD:419). Возможно, родственно Квеньяскому tyulma.

tâidô - однажды.

tamar - кузнец (SD: 436).

târik - опора в Minul-târik - “Опора небес” (SD:429). Дв.ч. târikat (SD:430).

thâni anAmân, thâni n’Amân - “Земля Амана” (SD:435). Также Amatthâni.

ugru - тень; ugru-dalad - “под Тень” (SD:247; ср. с 306); ugroudâ - затенять, омрачать (SD:439).

ukallaba - пал (SD:429).

Ulbar - мужское имя (UT:195).

-un - окончание субъектной формы существительных м.р. (SD:430).

unakkha - “он пришел”, от NAKH (SD:247).

ûrê - солнце, ср.р, персонифицированное Ûri - Солнце, ж.р. (SD:426); Ûriyat - “Солнце и Луна” (SD:428; в действительности Ûriyat = Ûri + окончание дв.ч., луна подразумевается как пара солнца); Ûrinîl(uw)at - “Солнце и Луна” (составное слово: Ûri + Nîlu + окончание дв.ч.), Ûriyat nîlo - еще один способ сказать “Солнце и Луна”, окончание дв.ч. присоединяется к первому слову, второе стоит в ед.ч.

urîd - горы (SD:251). Ед.ч. *urud?

*urud - гора, мн.ч. urîd (SD:251). Ср. с huzun - ухо, мн.ч. huzîn (SD:430).

urug - медведь (SD:426), urgî - медведица (SD:435).

uruk - гоблин, орк (SD: 436).

usaphda - он понял (SD:420), от SAPHAD. Менее употребительный вариант произношения usaptha.

yakalubim - наклоняются (SD:251). Очевидно, от KALAB - падать.

yanâkhim - приближаются (SD:251). Очевидно, от NAKH - прийти, подойти.

Yôzâyan - “Земля Дара”, Нуменор, Andor на Квенья (SD:241, 247, ср. с UT:184). Содержит zâyan (отсюда, возможно, *уô - дар).

yurahtam - раскололи (SD:247).

zabathân - смиренный, покорный (SD:247).

zadan - дом (SD:430).

zâin - земли, мн.ч. от zâyin.

zâira - жажда (SD:247), zaira, zâir в SD:423.

Zamîn - женское имя (UT:194).

zâyan - земля (SD:423), мн.ч. zâin.

-zê - в (SD:429).

zigûr - мудрец, чародей (SD:437). Субъектная форма Zigûrun - Чародей (имеется в виду Саурон) в SD:247.

Zimraphel - Мириэль (Mîriel), женское имя. *Zimra, видимо, означает “драгоценный камень”; см. Ar-Zimrathôn. Квеньское Mîriel можно перевести как “дочь драгоценного камня”, возможно, дочь на Адуунаике - *phel?

zini - женщина (SD:437), альтернативная форма zînî.

ZIR - любить, желать (SD:423), ср. с -zîr - “любящий” в Nimruzîr.

zirân - возлюбленный, любимый (SD:247).

zôrî - няня, кормилица (SD:438).

